
Сона Скофилд
Измена генерала.
На пенсию уходи один

Сона Скофилд

Измена генерала. На пенсию уходи один

«Автор»
2026

Скофилд С.

Измена генерала. На пенсию уходи один / С. Скофилд — «Автор», 2026

Двадцать восемь лет я ждала, когда муж-генерал уйдет в отставку. Мы копили на дом у моря, рисовали террасу, выбирали место для маминого буфета.А потом я узнала: Глеб уже покупает дом. Для любовницы, с которой встречается два года. Из наших накоплений он перевел ей 2,6 миллиона рублей. Даже чертежи нашей будущей кухни отдал ей.— Марина, мне скоро шестьдесят. Я заслужил пожить для себя. Только давай без скандала.Он хотел тихого развода. И чтобы я по старой привычке помогла устроить праздник в честь его отставки.Я уехала в материнский дом с протекающей крышей и окнами, которые не закрывались. Пригласила мастера — и совсем не ожидала, что Павел Берестов заставит меня снова волноваться перед свиданиями, ждать поцелуев и строить собственные планы.Но когда Глеб понял, кого потерял, он решил, что еще может вернуться.Только теперь решала я.

© Скофилд С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой адрес 5
Глава 2. Сумма прописью 23
Глава 3. Стол на троих 42
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Сона Скофилд
Измена генерала. На пенсию уходи один

Глава 1. Чужой адрес

За два месяца до шестидесятилетия мужа я выбирала, какие окна должны быть в нашем будущем доме у моря. Глеб настаивал на больших, от пола почти до потолка, а я возражала: летом за такими окнами будет жарко, зимой придется тратить лишние деньги на отопление. Мы спорили об этом за завтраком, пока он застегивал часы, а я поджаривала хлеб, и я еще не знала, что никакого нашего дома больше не существует.

В тот четверг он снова торопился. На кухню вошел уже одетым, в выглаженной рубашке, с телефоном в руке. Положил на край стола папку, которую собирался взять с собой, проверил сообщения и только после этого заметил поставленную перед ним тарелку.

— Спасибо, Марин. Кофе есть?

— В кофемашине. Ты вчера обещал посмотреть участок под Анапой.

— Сегодня вечером посмотрю.

— Ты и позавчера так говорил.

Глеб поднял на меня глаза. Взгляд у него был усталый, но без раздражения.

— Мне сейчас не до участков. До увольнения осталось меньше двух месяцев, а дел будто на полгода. Давай хотя бы до мая не будем торопиться.

Я подвинула к нему чашку.

— В мае хорошие варианты могут разобрать.

— Будут другие. Не переживай.

Он отпил кофе, поморщился, потому что обжег язык, и потянулся к хлебу. Я смотрела на знакомое лицо, на седину у висков, которую он принципиально не закрашивал, на крупные руки с коротко подстриженными ногтями. За двадцать восемь лет я научилась определять его настроение по тому, как он садился за стол. Сегодня Глеб был занят своими мыслями. Не сердился, не тревожился, просто не хотел разговаривать о том, что мне казалось самым важным.

Мы собирались к морю почти десять лет.

Поначалу это была шутка. После очередного переезда Глеб сказал, что, когда снимет погоны, выберет место, где зимой не придется откапывать машину из снега. Я ответила, что согласна даже на маленький дом, если там будет достаточно места для цветов и старого материнского буфета. Потом шутка постепенно превратилась в план. Мы стали откладывать деньги, ездили в отпуск на побережье, заглядывали в объявления о продаже недвижимости.

Три года назад я купила синий блокнот в плотной тканевой обложке. В нем были записаны цены, адреса, размеры комнат, приблизительная стоимость ремонта и даже названия растений, которые я хотела посадить возле веранды.

Глеб смеялся над моей обстоятельностью, но однажды сам нарисовал на последней странице схему гаража.

Я хранила тот блокнот в кухонном комоде, рядом с гарантийными талонами и рецептами, которые когда-то вырезала из журналов.

— Кстати, — сказал муж, дожевывая хлеб, — найди сегодня договор на квартиру. Оригинал и копию выписки из реестра. Помнишь, мы собирали бумаги для банка?

— Помню. А зачем тебе?

— Хочу уточнить кое-что по оформлению после отставки. На следующей неделе встречусь с человеком, он занимается недвижимостью.

Я оживилась.

— По поводу продажи квартиры?

— В том числе.

— Так ты все-таки решил, что будем продавать до переезда?

Он убрал телефон в карман.

— Марин, я пока ничего не решил. Сначала нужно понять, что с деньгами и сроками. Найдешь?

— Конечно. Все должно быть в кабинете.

— Только не перекладывай папки, пожалуйста. Я потом ничего не найду.

Он произнес это привычным тоном, без особой строгости. В нашем доме документы действительно лежали в определенном порядке, хотя поддерживала его преимущественно я. Глеб любил говорить, что у каждой бумаги должно быть свое место. Когда место требовалось найти, обычно звал меня.

Я проводила его до прихожей.

Он остановился возле зеркала, поправил воротник, взял с тумбы ключи.

— Сегодня задержусь. Не жди с ужином.

— Хорошо. Позвони, когда будешь выезжать.

Глеб привычно поцеловал меня в висок. Так он делал почти каждое утро последние лет пятнадцать. Когда-то целовал в губы, иногда задерживал возле себя, обнимал сзади, пока я пыталась приготовить завтрак. Потом утренняя нежность сократилась до короткого прикосновения, которое мы оба считали достаточным.

Я не обижалась. Во всяком случае, мне так казалось.

Когда за мужем закрылась дверь, я вернулась на кухню, убрала его чашку и посмотрела на календарь.

Примерно через два месяца Глебу исполнялось шестьдесят.

Я обвела дату еще в январе, когда окончательно выяснилось, что он собирается завершать службу. За последние месяцы несколько раз представляла, как мы отпразднуем его день рождения, соберем вещи, продадим квартиру и начнем жизнь, о которой столько говорили.

Мне оставалось только решить вопрос с работой.

Четырнадцать лет я трудилась в проектном бюро. Меня ценили, платили достойно, и уходить было жаль. В последнее время руководитель даже намекал, что я могла бы возглавить отдельную сметную группу. Но должность означала большую ответственность, а переезд к морю — окончательное расставание с привычным коллективом.

Я уже почти выбрала второе.

В тот день до обеда нужно было закончить расчеты по реконструкции поликлиники. Я приехала в офис немного раньше обычного, включила компьютер и успела просмотреть половину документов, прежде чем ко мне заглянула Нина Крылова.

— Ты опять первая? — спросила она, поставив на мой стол пакет с булочками. — Я специально приехала пораньше, думала хоть раз застать тебя за бездельем.

— Приходи в воскресенье. Возможно, получится.

— В воскресенье я намерена бездельничать сама.

Нина сняла жакет и устроилась на свободном стуле возле стола. Мы работали вместе четырнадцать лет, пережили несколько смен руководства, ремонт офиса, сокращения и странные распоряжения начальства. Она знала о моей семье больше остальных коллег и при этом никогда не спрашивала о том, чего я сама не хотела рассказывать.

— Ты заявление когда подавать собираешься? — поинтересовалась она, разворачивая булочку.

— Какое заявление?

— На увольнение. Не делай вид, что забыла.

Я вздохнула.

— Пока не знаю. Глеб еще не решил, когда будем продавать квартиру.

— А твое решение при этом учитывается?

— Конечно.

Нина посмотрела на меня поверх очков.

— Тогда почему ты говоришь исключительно о его решениях?

Я взяла из пакета булочку, хотя завтракала меньше двух часов назад.

— Потому что переезд связан с его отставкой. Он должен закончить все служебные дела. Не могу же я отправиться на юг одна и ждать, когда он освободится.

— Можешь. Но ты, разумеется, этого не сделаешь.

— Нин, мы почти тридцать лет вместе. У нас общие планы.

— Я помню. Ты показывала мне свои рисунки. С верандой и огромной кухней.

— И не огромной вовсе.

— У меня кухня восемь метров. После нее все, где можно поставить стол на шесть человек, кажется дворцом.

Мы посмеялись, и Нина поднялась, но у двери задержалась.

— Между прочим, Сергей Павлович опять спрашивал, готова ли ты взять новую группу. Я сказала, что он должен поговорить с тобой лично.

— Зачем? Я же объясняла, что собираюсь уезжать.

— Ты объясняла это полгода назад. А сейчас все еще здесь.

Мне хотелось ответить, что отставка генерала — не то событие, дату которого жена вправе назначить самостоятельно. Вместо этого я открыла расчетную таблицу и показала Нине расхождение в смете подрядчика. Она сразу заинтересовалась цифрами, и разговор о моей будущей жизни закончился.

До обеда я почти не вспоминала о доме у моря.

Одна из хороших сторон моей профессии заключалась в том, что цифры не зависели от настроения. Если стоимость материалов не совпадала с проектной ведомостью, причину можно было найти. Если подрядчик завышал объемы работ, достаточно было проверить чертежи. Люди могли обижаться, спорить, пытаться надавить, но ошибки в расчетах от этого не исчезали.

К половине второго я обнаружила, что в документах по вентиляции дважды учли один и тот же участок сети. Позвонила инженеру, мы сверили схему, после чего пришлось переделывать несколько листов.

Когда наконец выпрямилась в кресле, за окном уже начинался дождь.

Я вспомнила, что собиралась уйти пораньше и разобрать документы для Глеба.

Нина встретила меня возле выхода.

— Все, спасла бюджет страны?

— Пока только одной поликлиники.

— Тоже неплохо. Слушай, Марин, а ты правда уверена, что хочешь уходить?

Вопрос застал меня врасплох.

— Мы же только утром говорили.

— Утром ты объясняла, чего хочет твой муж. Я спрашиваю, чего хочешь ты.

Я застегнула плащ и посмотрела через стеклянную дверь на мокрые машины.

— Хочу жить у моря, — ответила я после небольшой паузы. — Просыпаться и не думать, что завтра Глеб опять уедет. Завтракать вместе, гулять, приглашать Дашу. Хочу, чтобы у нас наконец появилось время.

Нина медленно кивнула.

— Тогда надеюсь, у вас все получится.

Она не сказала ничего неприятного. Не стала спорить, не напомнила, как часто я отказывалась от отпуска ради служебных обстоятельств мужа. Но по дороге домой я почему-то несколько раз возвращалась мыслями к ее вопросу.

Чего хочу я?

Мне казалось, ответ давно известен.

Я хотела провести оставшуюся жизнь с человеком, с которым прожила почти тридцать лет. После всех гарнизонов, тревог, переездов и командировок это представлялось мне естественным завершением большого общего труда. Мы пережили столько неудобств, что теперь наконец имели право на спокойствие.

Я даже придумала, чем буду заниматься после переезда. Не обязательно сидеть дома. Можно консультировать небольшие строительные организации, брать отдельные заказы, работать удаленно. Главное, чтобы больше не приходилось подстраивать каждый год под неожиданные изменения служебного расписания.

Я купила продукты к ужину, хотя Глеб предупредил, что задержится, и около пяти приехала домой.

Квартира встретила меня знакомой тишиной.

Мы жили здесь четырнадцать лет. Трехкомнатная, с длинным коридором и просторной кухней, она поначалу казалась нам непозволительной роскошью. В первые месяцы после покупки мы даже не могли решить, что делать с третьей комнатой. Потом устроили кабинет Глеба, хотя он чаще работал за кухонным столом.

В квартире все было привычным. Темные деревянные полки, которые мы выбирали вместе, семейные фотографии на стене возле гостиной, большой шкаф, где мои пальто занимали одну сторону, а его кители и костюмы — другую.

Мне нравилось наше жилье.

И все же в последние месяцы я ходила по комнатам, мысленно примеряя, что возьму с собой, а что оставлю новым хозяевам.

Сначала я поставила вариться бульон, потом зашла в кабинет.

В нижнем отделении шкафа лежали папки с документами: договор на квартиру, страховки, выписки, старые справки, бумаги по автомобилям. Глеб привез часть этих папок еще из предыдущего гарнизона. На корешках сохранились его аккуратные надписи черной ручкой.

Договор я нашла сразу.

Выписка из реестра лежала в соседнем файле. Я проверила дату, сделала копию, положила документы на письменный стол и уже собиралась закрыть шкаф, когда заметила между папками незнакомый тонкий скоросшиватель.

На обложке не было надписи.

Обычная картонная папка с загнутыми уголками, в которую Глеб, судя по всему, складывал бумаги недавно. Я решила проверить, не лежит ли там более свежая выписка.

Первым оказался рекламный лист с фотографиями домов.

Небольшой двухэтажный коттедж с белыми стенами стоял за невысоким ограждением. Перед ним росли молодые сосны, справа виднелась терраса, а за деревьями — полоска моря.

Я невольно улыбнулась. Глеб все-таки занялся поисками. Он просто не хотел раньше времени рассказывать.

Я перелистнула страницу. На следующем листе был план первого этажа. Кухня-гостиная, две спальни, помещение под лестницей, санузел. Площадь дома составляла сто сорок шесть квадратных метров. Дом был немного больше того, о котором мы договорились.

Я села за письменный стол и внимательно посмотрела фотографии.

Мне понравилась терраса. Не слишком широкая, без громоздких колонн. Рядом с домом оставалось место для небольшого сада.

Потом я увидела стоимость.

Девять миллионов рублей.

Я нахмурилась. Мы рассчитывали потратить меньше, особенно если придется делать ремонт. Конечно, после продажи квартиры деньги останутся, но часть нужно было сохранить на непредвиденные расходы. Глеб никогда не отличался безрассудством в финансовых вопросах. Если он рассматривал этот дом всерьез, значит, уже нашел приемлемые условия.

Под рекламными листами лежала распечатка договора.

Я взглянула на первые строки.

Адрес объекта находился в поселке недалеко от Анапы. Дальше следовали сведения о продавце, площадь участка, описание построек и условия оплаты.

Я прочитала несколько абзацев и уже хотела отложить документ, когда мое внимание привлекло имя покупателя.

Орехова Кира Владимировна.

Я перечитала. Имя ничего мне не говорило.

Проверила предыдущую страницу. Возможно, это был договор другого клиента, случайно попавший в папку Глеба. Может, он консультировался с риелтором, который показал чужую сделку в качестве примера.

Но на последней странице среди приложений стояли реквизиты моего мужа.

Я придвинулась к столу.

Следующий документ был подтверждением банковского перевода. Дата — одиннадцатое февраля. Плательщик — Ларионов Глеб Андреевич. Получатель — Орехова Кира Владимировна. Сумма — 2 600 000 рублей.

Я несколько секунд смотрела на цифры, пытаясь понять, что именно вижу. Потом прочитала назначение платежа.

«Перевод личных средств».

Странная формулировка. Не оплата недвижимости, не задаток, не возврат долга. Просто перевод.

Я открыла следующий лист.

Выписка по счету, который Глеб использовал для семейных накоплений.

Я хорошо знала последние четыре цифры. На этот счет мы переводили деньги последние несколько лет. Там лежали премии мужа, мои накопления, часть средств от продажи прежней машины и суммы, которые удавалось откладывать каждый месяц.

Несколько лет назад мы договорились собрать достаточно денег, чтобы после продажи квартиры не зависеть от кредитов при покупке дома.

Последний раз Глеб называл мне остаток осенью. Чуть больше четырех миллионов. Теперь в распечатке значилось значительно меньше.

Я взяла телефон и открыла калькулятор. Сложила суммы, вычла переводы, проверила даты. Потом повторила расчет, хотя никакого смысла в этом не было. Цифры оставались теми же.

Два миллиона шестьсот тысяч рублей ушли женщине, чье имя я впервые увидела в чужом договоре.

Я попыталась придумать объяснение.

Возможно, Глеб одолжил деньги знакомой. Возможно, Кира Орехова была посредником в сделке. Или дом оформляли на нее временно, чтобы потом переоформить на нас. Мне не нравился ни один из вариантов, но я продолжала искать разумную причину.

Открыв последнюю страницу, я увидела копию письма агенту по недвижимости.

Распечатка была неполной, без начала переписки. Однако текст сохранился достаточно хорошо.

«Кира будет основным покупателем. Остаток рассчитаем после решения вопроса с квартирой. Прошу прислать ей уточненный график платежей».

Подпись: Г. Ларионов.

Я положила лист на стол.

Дождь усилился. Капли стучали по металлическому подоконнику за окном кабинета. В коридоре тикали часы, подаренные Глебу сослуживцами на очередную годовщину службы. Мне вдруг стало трудно сосредоточиться на происходящем.

Я понимала отдельные слова. Покупатель, перевод, квартира, график платежей. Но соединить их в одну историю не получалось.

Глеб собирался продать нашу квартиру. Он перевел почти две трети семейных накоплений другой женщине. Эта женщина покупала дом у моря.

Я еще не знала, кто она такая. И не хотела знать, потому что любая мысль, возникавшая после вопроса о ее личности, казалась слишком неприятной, чтобы допустить ее всерьез.

Мне было пятьдесят два года. За двадцать восемь лет брака я никогда не проверяла телефон мужа, не читала его сообщения и не требовала отчетов о каждой поездке.

Это не означало, что я считала Глеба безупречным.

Он мог быть резким, требовательным, иногда обидно невнимательным. Мог забыть о годовщине свадьбы, а потом привезти дорогой подарок, будто вещь способна заменить пропущенный вечер. После напряженных служебных дней бывал молчаливым и раздражительным. Но я не сомневалась, что мы с ним семья.

Возможно, именно поэтому мне так трудно было произнести про себя слово, которое напрашивалось само.

Любовница.

Я закрыла папку, через минуту снова открыла. Достала документ с фамилией Ореховой и поднесла ближе к свету. На странице была указана дата рождения покупательницы. Я быстро посчитала ее возраст.

Тридцать восемь — на четырнадцать лет моложе меня.

Мне стало стыдно за то, как быстро я это подсчитала. Будто возраст другой женщины мог объяснить, почему муж перевел ей наши деньги.

На письменном столе лежала семейная фотография. Мы сделали ее два года назад, на дне рождения Дарьи. Глеб стоял у меня за спиной, обняв за плечи. Дочь улыбалась, прижимая к себе букет, который мы привезли ей на праздник.

Я посмотрела на дату в банковской выписке.

Февраль этого года.

Два месяца назад мы с Глебом вместе ходили в ресторан на мой день рождения. Он подарил мне серебряный браслет и сказал, что это последнее мое торжество в холодном городе. Следующий день рождения, уверял он, будем отмечать на побережье.

Я не могла вспомнить, что ответила тогда. Наверное, обрадовалась. Разумеется, обрадовалась.

Телефон зазвонил так внезапно, что я вздрогнула.

На экране высветилось имя Дарьи.

Я смотрела на него, пока звонок не оборвался, потом набрала дочь сама.

— Мам, привет! Ты чего не брала?

— В кабинете была, телефон на кухне оставила.

Собственный голос прозвучал совершенно обычно. Я даже удивилась.

— А, понятно. Ты в воскресенье дома будешь?

— Пока не знаю. А что?

— Хотела заехать. Папа просил посмотреть варианты ресторана на его день рождения. Я нашла два приличных места, но у одного терраса маленькая.

Даша говорила быстро, как всегда, когда занималась организационными вопросами. По голосу было слышно, что она идет по улице.

— Ты с папой сегодня разговаривала? — спросила я.

— Утром. А что?

— Ничего.

— Мам, ты какая-то странная.

Я посмотрела на раскрытую папку.

— Устала немного. На работе много дел.

— Ну так отдохни. Слушай, а вы точно хотите большой праздник? Может, лучше узким кругом? Папа вроде бы говорил, что у него и так будет какой-то официальный ужин.

Я закрыла глаза.

Глебу исполнялось шестьдесят. Он завершал службу, которой посвятил всю взрослую жизнь. Для него это было важное событие. Я сама предложила отметить день рождения отдельно от официальных мероприятий, собрать родственников, пригласить нескольких старых друзей, с которыми мы не виделись годами.

Несколько недель я искала подходящее место.

— Даш, давай позже обсудим.

— Хорошо. Ты ничего не заболела?

— Нет, солнышко. Просто устала.

— Тогда отдыхай. Люблю тебя.

— И я тебя.

После звонка я еще некоторое время держала телефон в руке.

Мне хотелось перезвонить дочери и спросить, знает ли она какую-нибудь Киру Орехову. Не упоминал ли отец этого имени. Не замечала ли она чего-то странного.

Но я не стала.

Дарья не должна была первой услышать мои подозрения, пока я сама не поговорила с мужем.

Я сфотографировала документы. Не все подряд — только страницы с реквизитами, суммами и условиями сделки. Руки у меня дрожали, и первую фотографию пришлось сделать заново.

Затем сложила листы обратно.

На кухне уже давно выкипела часть бульона. Я убавила огонь, открыла окно и несколько минут стояла перед раковиной. За стеклом шел дождь. Внизу женщина с красным зонтом пыталась закрыть багажник машины, а рядом мальчик в желтой куртке прыгал через лужу.

Обычный апрельский вечер.

В холодильнике лежали продукты, купленные к ужину. На подоконнике подрастала рассада базилика. В воскресенье должна была приехать дочь. Примерно через два месяца мы собирались отмечать юбилей мужа.

Я подумала о том, что Глеб, возможно, сейчас сидит на службе, разговаривает с коллегами, подписывает бумаги, пьет кофе. И в отличие от меня точно знает, что происходит с нашей семьей.

Он знает, кто такая Кира Орехова. Знает, зачем перевел ей деньги. Знает, почему в договоре указан чужой адрес. А я должна дождаться его возвращения и спросить.

В половине седьмого он написал, что выезжает.

Я ответила коротким «Хорошо» и поставила телефон на стол.

За следующие сорок минут несколько раз выходила в прихожую, проверяла, на месте ли документы, потом возвращалась на кухню.

В какой-то момент достала две тарелки. Поставила на стол, посмотрела на них и убрала одну обратно в шкаф.

Глеб вошел около восьми.

Сначала послышался поворот ключа, потом стук обуви о коврик. Он снял куртку, повесил ее на привычный крючок и заглянул на кухню.

— Привет. Что-то вкусное пахнет.

Я сидела за столом, положив перед собой закрытую папку.

— Суп варила.

— Отлично. Сегодня толком не обедал.

Он подошел к холодильнику, достал бутылку воды и только тогда заметил папку.

— Нашла документы?

— Да.

— Молодец. Где договор?

Я коснулась пальцами картона.

— Здесь кое-что еще было.

Глеб посмотрел на меня внимательнее.

В ту секунду я впервые увидела на его лице настороженность. Очень короткую, почти незаметную, но достаточно явную, чтобы у меня исчезла последняя надежда на случайное недоразумение.

— Что именно?

Я открыла папку и достала распечатку банковского перевода.

— Кто такая Кира Орехова?

Он не взял лист.

Сначала поставил бутылку на стол, потом отодвинул стул и сел напротив меня.

— Марин, где ты это нашла?

Я удивилась вопросу.

— В кабинете. Ты сам попросил меня поискать бумаги.

— Я спрашиваю, в какой папке.

— Это сейчас важно?

Он посмотрел на документы, затем на меня.

— Я просто хочу понять, что ты смотрела.

— Выписку со счета. Договор на дом. Подтверждение перевода двух миллионов шестисот тысяч рублей. Тебе перечислить все страницы?

— Не нужно.

— Тогда ответь на вопрос.

Глеб потер ладонью лицо.

Я знала этот жест. Он делал так, когда служебный разговор затягивался и ему приходилось объяснять очевидные, по его мнению, вещи.

Но сейчас я не собиралась облегчать ему задачу.

— Кира — моя знакомая, — наконец сказал он.

— Знакомая, которой ты перевел два миллиона шестьсот тысяч?

— Там сложнее.

— Объясни.

Он откинулся на спинку стула.

— Мы с ней занимаемся одним вопросом по недвижимости. Это связано с покупкой дома.

— Вижу. Почему покупатель она?

— Потому что так удобнее оформлять.

— Кому удобнее?

— Марина, давай без этого. Я только приехал, весь день был на ногах. Можно сначала спокойно поесть?

Я смотрела на мужа и не узнавала его.

Нет, лицо оставалось тем же. Он сидел на своем месте, в той самой рубашке, которую я утром погладила, и говорил обычным голосом. Но человек напротив явно считал, что разговор о нескольких миллионах и незнакомой женщине можно отложить ради ужина.

— Глеб, — сказала я, — мне нужно знать, что происходит. Сейчас.

Он долго молчал.

Потом спросил:

— Ты хочешь, чтобы я все сказал прямо?

— Да.

— Даже если тебе не понравится?

У меня появилось почти непреодолимое желание ответить, что все уже не нравится. Но я лишь кивнула.

Глеб посмотрел в сторону окна.

— У нас с Кирой отношения.

Я почувствовала, как напряглись пальцы, которыми держала край папки. Никакого громкого потрясения не произошло. Я слышала тиканье часов, шум дождя и гудение холодильника. На улице кто-то сигналил, требуя освободить проезд.

И все же муж только что сказал, что у него другая женщина.

— Какие отношения? — спросила я.

Он посмотрел на меня с неприкрытым раздражением.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

— Я хочу услышать это от тебя.

Глеб отвел взгляд.

— Мы встречаемся.

— Давно?

— Марин...

— Сколько?

— Почти два года.

Я опустила руки на колени. Два года. Я почему-то сразу вспомнила прошлогоднюю осень. Глеб уехал на несколько дней по служебным делам. Я тогда заболела, температура поднималась почти до сорока, и он несколько раз звонил, спрашивал, не нужно ли вызвать врача. Привез из поездки коробку дорогих конфет, которые я не любила, но все равно поблагодарила.

Два года означали, что другая женщина существовала уже тогда. И раньше. На дне рождения дочери. Во время нашего отпуска. Когда мы обсуждали, какую мебель возьмем к морю.

— Почти два года, — повторила я. — И все это время ты жил со мной?

— Я никуда не уходил.

— Я заметила. Ты спал со мной, мы ездили отдыхать, принимали гостей. Ты говорил о нашем будущем.

— Да.

Его спокойствие казалось особенно невыносимым.

— Ты собирался рассказать?

— Собирался.

— Когда?

— После отставки.

— Почему после?

Глеб наконец наклонился вперед.

— Потому что сейчас у меня сложный период. Завершается служба, нужно оформить множество вопросов. Я не хотел добавлять к этому семейный скандал. Думал, сначала разберусь с делами, потом мы спокойно поговорим.

Я не сразу нашлась с ответом.

— Семейный скандал, — повторила я.

— Не придирайся к словам.

— Ты два года встречаешься с другой женщиной, перевел ей наши деньги, собираешься покупать с ней дом, а разговор со мной считаешь лишней сложностью перед увольнением?

— Я не говорил, что ты лишняя.

— Хорошо. Тогда как ты это называешь?

Он посмотрел на меня устало.

— Марина, нам обоим уже не двадцать лет. Нужно уметь принимать неприятные решения без истерики.

Я поднялась из-за стола.

Мне вдруг стало необходимо отойти от него хотя бы на несколько шагов. Я подошла к плите, выключила огонь, хотя суп давно был готов, и вернулась к раковине.

— Я не устраиваю истерику.

— Пока нет.

Эти два слова заставили меня обернуться.

— Ты заранее решил, как я должна себя вести?

— Я просто тебя знаю.

— Тогда скажи, как, по-твоему, я сейчас себя чувствую.

Глеб открыл рот, но ничего не ответил.

Я видела, что он раздражен. Возможно, испуган. Наверное, ему хотелось, чтобы я плакала или кричала. С привычной ссорой он справился бы легче. Можно было бы переждать, дать мне успокоиться, вернуться к разговору на следующий день.

Но я стояла возле раковины и ждала ответа.

— Я понимаю, что тебе больно, — произнес он наконец.

— Нет, Глеб. Не понимаешь. Ты даже не предполагал, что я узнаю сегодня.

Он ничего не сказал.

Я вернулась за стол и положила перед ним договор.

— Это дом, в котором ты собираешься жить с ней?

Муж посмотрел на фотографию.

— Да.

Ответ прозвучал без колебаний.

Я провела пальцем по изображению террасы.

— Ты ведь видел, что там большие окна?

— Какие окна?

— В гостиной. Ты всегда говорил, что хочешь именно такие. Помнишь, мы спорили из-за отопления?

Глеб вздохнул.

— Марина, при чем здесь окна?

Я убрала руку.

— Не знаю. Наверное, пытаюсь понять, когда наши планы превратились в ваши.

Он помолчал.

— Я не собирался причинять тебе боль.

— Но причинил.

— Да.

Я смотрела на него, ожидая продолжения. Он впервые за вечер не стал оправдываться сразу.

— Я понимаю, что поступил неправильно, — сказал Глеб. — Но мы с тобой давно живем скорее как хорошие родственники. Ты же сама это чувствуешь.

Мне стало трудно дышать ровно, но я заставила себя не перебивать.

— У нас все устроено, мы друг друга уважаем. Только прежнего уже нет. Я не говорю, что ты в чем-то виновата. Просто так получилось.

— Когда именно?

— Что?

— Когда мы стали родственниками? Два года назад? Пять? Или сегодня утром, когда ты попросил меня найти бумаги?

Он поморщился.

— Не нужно превращать разговор в допрос.

— А как мне еще узнать, что происходило в моем браке?

Глеб встал, налил себе воды и выпил почти половину стакана.

— Ты хочешь конкретных дат, а я не могу назвать день, когда отношения начали меняться. Мы давно отдалились. Ты занималась своими делами, я — своими. Мы перестали разговаривать по-настоящему.

Я вспомнила, сколько раз пыталась вытащить его на выходных за город, предложить поездку или хотя бы прогулку. Как он отвечал, что устал, что у него много работы, что после отставки времени будет сколько угодно. Я принимала это. Потому что верила: однажды все действительно изменится.

— Мы собирались жить вместе после твоей отставки, — сказала я. — Не просто обсуждали это. Мы откладывали деньги, выбирали дом. Я собиралась уйти с работы.

Глеб опустил стакан.

— Вот именно. Ты опять говоришь о том, что решила сама.

— Что?

— Я не просил тебя увольняться. Сколько раз говорил, что можно работать удаленно?

— Ты говорил, что будешь рад, если мы наконец сможем проводить время вместе.

— И что? Разве это означает, что ты обязана бросить работу?

В его словах была доля правды. Он действительно не требовал моего увольнения. Даже несколько раз предлагал поискать возможность продолжить сотрудничество с бюро. Но теперь он использовал этот факт так, словно весь наш общий план придумала я одна.

— Я хотела переехать с тобой, — ответила я. — Мы оба хотели этого. Во всяком случае, ты мне так говорил.

— Люди меняют решения.

— Когда ты изменил свое?

Глеб снова замолчал.

Я спросила тише:

— Ты уже знал про Киру, когда мы ездили смотреть дома прошлым летом?

Он отвернулся.

— Да.

— Когда я показывала тебе фотографии кухни с широкими окнами?

— Марин, хватит.

— Когда мы решили отложить еще полмиллиона, чтобы не брать кредит?

— Я сказал, хватит.

Он повысил голос совсем немного, но я вздрогнула.

Глеб заметил это и сразу понизил тон.

— Прости. Я понимаю, что ты расстроена. Только не надо сейчас перебирать каждый день нашей жизни. От этого ничего не изменится.

Я смотрела на его руки. Он держался за край столешницы так крепко, что побелели костяшки пальцев.

Мне хотелось спросить, любил ли он Киру. Было ли ему с ней хорошо. Возил ли он ее туда, куда обещал отвезти меня. Говорил ли ей те же слова, которые говорил когда-то мне. Но я поняла, что не готова услышать ответы.

Пока мне хватало одного: он собирался прожить с другой женщиной ту часть жизни, ради которой я столько лет соглашалась ждать.

— А деньги? — спросила я.

Глеб выпрямился.

— Что деньги?

— Два миллиона шестьсот тысяч. Почему ты перевел их ей?

— Это первоначальный взнос. Мы нашли хороший вариант, продавец готов был согласиться на удобные условия, но нужно было быстро внести часть суммы.

— Нашими деньгами?

— Деньги лежали на моем счете.

— На счете, который мы использовали для семейных накоплений.

— Я прекрасно помню, что это за счет.

— Тогда почему не спросил меня?

Он помедлил.

— Потому что понимал, как ты отреагируешь.

Я кивнула.

Впервые за весь вечер мне стало совершенно ясно, что произошло. До этого я пыталась разобраться в датах, именах, обстоятельствах. Теперь услышала простое объяснение: он знал, что я не соглашусь, поэтому решил не спрашивать.

— Значит, ты сознательно распорядился нашими накоплениями за моей спиной.

— Я не собирался оставлять тебя без денег. У нас есть квартира, машины, оставшаяся сумма. Все это можно спокойно разделить.

— Ты уже посчитал?

— Разумеется.

Мне хотелось рассмеяться, но я не смогла.

— И какую часть ты решил оставить мне?

Глеб посмотрел на часы.

— Давай не будем сейчас обсуждать конкретные цифры. Я подготовлю предложения, мы все посмотрим. Не нужно действовать сгоряча.

— Предложения?

— По разделу имущества. Ты получишь достаточно, чтобы нормально жить. Я не собираюсь тебя обманывать.

Я подняла со стола банковскую выписку.

— Ты уже меня обманул.

Он устало потер переносицу.

— Я говорю о деньгах.

— А я тоже.

В кухне стало тихо. За окном дождь постепенно слабел, и я слышала, как в соседней квартире кто-то двигал мебель. Глеб смотрел на меня с таким выражением, будто не понимал, почему я усложняю вопрос, который он считал практически решенным.

— Марина, — произнес он после паузы, — я постараюсь сделать все достойно. Мы не чужие люди. Столько лет вместе, общая дочь. Мне совсем не хочется превращать развод в войну.

Я опустилась на стул. Слово «развод» прозвучало впервые. До этого мы говорили об измене, доме, деньгах. Я слушала мужа и еще не успела представить, что через какое-то время

перестану быть его женой. Он же произнес это спокойно. Как название процедуры, которую давно внес в расписание.

— Ты собираешься развестись со мной? — спросила я.

Глеб посмотрел на меня с недоумением.

— А ты предлагаешь какой-то другой вариант?

Я ощутила странную усталость.

— Нет. Просто хотела услышать, что ты решил.

— Я не хочу обижать тебя еще больше.

— Тогда не говори так, будто мы принимаем решение вместе.

Он отвел взгляд.

— Хорошо. Я хочу развестись. Но прошу пока не торопиться с оформлением.

— Почему?

— Из-за службы. Сейчас все внимание к мероприятиям по увольнению, идет передача дел. Не хотелось бы лишних разговоров.

— То есть ты хочешь, чтобы я еще несколько месяцев изображала твою жену?

— Не изображала. Ты и есть моя жена. Пока мы официально не разведены.

Я долго смотрела на него.

— Ты сам слышишь, что говоришь?

— Я прекрасно слышу. И стараюсь объяснить без лишних эмоций.

Я вдруг вспомнила одну историю из нашего первого гарнизона.

Даше тогда было всего два года, и она тяжело заболела. Глеб находился на учениях, связь с ним была плохая. Я провела почти двое суток в больнице, спала урывками на неудобном стуле и страшно боялась, что у дочери начнутся осложнения.

Когда муж вернулся, он сразу приехал к нам. Привез чистые вещи, яблоки, термос с чаем. Ничего особенно нежного не говорил, просто сел рядом, взял меня за руку и оставался до поздней ночи.

Я тогда думала, что мне невероятно повезло.

Мужчина, который умеет быть рядом в трудную минуту, казался надежнее любых красивых обещаний.

Куда исчез тот Глеб?

Или он никуда не исчезал, просто я никогда не видела его таким, каким он стал сегодня?

— Ты любишь ее? — спросила я.

Муж поднял голову.

По его лицу я поняла, что вопрос неприятен ему не меньше предыдущих.

— Киру?

— У тебя много женщин с этим именем?

— Марина, пожалуйста.

Я промолчала.

Глеб сел обратно за стол.

— Да, у меня к ней серьезные чувства.

Я кивнула. Не знаю, зачем. Вероятно, потому что ответ требовал какой-то реакции.

— И ты собираешься жить с ней после отставки.

— Да.

— В том доме.

— Мы пока решаем вопросы с оформлением. Не все так просто.

Мне хотелось уточнить, собирается ли он перевезти туда свои вещи сразу после торжества. Когда именно Кира появится в его жизни открыто. Будет ли она сидеть рядом с ним на дне рождения.

Но разговор уже превратился во что-то, от чего я физически уставала.

Я вспомнила, что Даша выбирала ресторан.

— Наша дочь знает?

Глеб нахмурился.

— Нет.

— Ты собирался и ей рассказать после отставки?

— Я собирался сначала разобраться с тобой. Дашу незачем вмешивать раньше времени.

— Ей двадцать шесть, Глеб. Она взрослая женщина.

— Тем более. У нее своя жизнь, работа. Не нужно ее тревожить.

— А когда ты собирался сообщить ей, что у тебя другая семья?

— Не другая семья. У меня отношения с женщиной. Я еще ничего не оформлял.

— Ты покупаешь с ней дом.

— Да, но это не значит, что...

Он не договорил. Я не стала помогать ему найти подходящие слова.

После нескольких минут молчания Глеб спросил:

— Ты же не станешь сейчас звонить Даше?

— Не знаю.

— Марин, я серьезно прошу. Давай хотя бы этот вопрос решим спокойно. Для нее это будет ударом.

Я посмотрела на него.

— Для нее?

Он сжал губы.

— Для вас обеих. Не нужно делать вид, что мне все равно.

— Ты мог подумать об этом раньше.

— Я думал.

Возможно, он действительно думал. Представлял разговор, подбирал слова, откладывал объяснение. Мне было трудно понять, как человек способен два года обдумывать последствия своих поступков и все равно продолжать делать то же самое.

Глеб снял часы и положил их на стол.

— У нас с тобой было много хорошего, Марина. Я не собираюсь ничего вычеркивать. Ты прекрасная мать, надежный человек. Я всегда буду тебе благодарен.

От этих слов стало неожиданно больно.

Он говорил так, словно произносил речь на чьем-то юбилее. Упоминал заслуги, благодарил за годы совместной жизни, подводил итоги.

Мне захотелось попросить его замолчать.

— Не надо, — сказала я.

— Что?

— Не надо сейчас рассказывать, какая я хорошая жена.

Он растерялся.

— Я не понимаю.

— Ты уже решил, что больше не хочешь со мной жить. Я услышала. Но мне не нужно, чтобы ты оценивал, насколько хорошо я справлялась все эти годы.

Глеб провел рукой по волосам.

— Я вовсе не это имел в виду.

— Тогда что?

— Я хочу, чтобы мы расстались по-человечески.

Я посмотрела на него, пытаясь представить себе расставание, которое он называл человеческим.

Наверное, я должна была согласиться с разделом имущества, не устраивать неприятных разговоров, объяснить дочери, что люди иногда расходятся, и по возможности сохранить доб-

рожелательные отношения. Возможно, продолжать приглашать Глеба на семейные праздники. Поздравлять его с днем рождения, интересоваться здоровьем и не задавать вопросов, почему деньги, заработанные нами за годы брака, оказались на счете его любовницы.

Я не сомневалась, что именно такую картину он уже составил для себя.

— Ты давно все решил, — произнесла я. — А мне предлагаешь за один вечер согласиться.

— Не за один вечер. У нас будет время обо всем поговорить.

— Сколько?

Глеб посмотрел на меня.

— Что сколько?

— Сколько времени ты выделил мне, чтобы привыкнуть к разводу? До твоего дня рождения? До покупки дома? До переезда Киры?

— Перестань.

— Я действительно хочу знать. Ты ведь все распланировал. Наверняка есть и дата, когда я должна буду освободить тебе место.

Он резко поднялся.

— Никто не собирается выгонять тебя из квартиры!

— А что собирается?

— Мы ее продадим, если ты согласишься. Разделим деньги. Я помогу тебе с переездом, если понадобится. Ты же знаешь, что у меня есть возможность все организовать.

Я поняла, что он говорит искренне.

Глеб действительно собирался помочь. Найти транспорт, договориться с грузчиками, проверить документы, возможно, даже подобрать мне подходящую квартиру. Он привык решать бытовые вопросы таким образом и, наверное, считал это проявлением заботы.

Только самую важную часть моей жизни он уже разрушил, не спросив разрешения.

Я вдруг почувствовала сильный голод. С утра съела только хлеб с сыром и половину булочки Нины, а теперь желудок болезненно сжимался от запаха остывающего супа. Это показалось почти оскорбительным. Муж только что рассказал о двухлетней измене, а мне хотелось есть.

Я встала, достала из шкафа тарелку и налила себе немного бульона.

Глеб наблюдал за мной с растущим раздражением.

— Ты можешь хотя бы ответить, что думаешь?

Я поставила тарелку на стол.

— Думаю, что тебе нужно найти другое место для ночлега.

Он моргнул.

— Что?

— Сегодня. Я не хочу оставаться с тобой в одной спальне.

— Марин, сейчас почти девять вечера.

— Я знаю.

— Это моя квартира в той же степени, что и твоя.

— Я не спорю. Но мы с тобой оба взрослые люди. Думаю, ты сумеешь решить, где переночевать.

Глеб вздохнул.

— Ты сейчас говоришь от обиды.

— Разумеется.

— Утром все будет восприниматься иначе.

— Возможно. Но сегодня я не хочу спать рядом с тобой.

Он постоял несколько секунд, затем взял часы со стола.

— Я останусь в кабинете. Завтра обсудим, что делать дальше.

Мне не хотелось продолжать спор о том, кто где имеет право находиться. Кабинет был достаточно далеко от спальни, там стоял раскладной диван, которым иногда пользовались гости.

— Хорошо, — ответила я.

Глеб остановился у двери.

— И, Марин, еще одно.

Я повернулась к нему.

— Что?

— Пожалуйста, пока не принимай никаких резких решений. Особенно по поводу Даши. Я хотел бы сам с ней поговорить, когда придет время.

— Ты уже слишком долго выбирал подходящее время.

Он нахмурился, но не ответил.

Я услышала, как в коридоре открылась дверь кабинета, потом задвинулся ящик письменного стола.

Глеб переодевался, устраивался на ночлег, готовился к следующему дню. Я осталась на кухне одна.

Бульон остыл окончательно. Я съела несколько ложек, не почувствовав вкуса, потом убрала тарелку в холодильник и вымыла посуду.

Делала все медленно, тщательно. Протерла раковину, закрыла окно, проверила, выключена ли плита. Руки двигались по привычке, и мне было почти спокойно, пока не приходилось задумываться о том, что теперь делать.

У нас была общая квартира. Общая дочь. Двадцать восемь лет брака. Множество вещей, которые мы покупали, выбирали, ремонтировали или перевозили вместе.

У меня была работа, которую я собиралась оставить, и семейные накопления, от которых, как выяснилось, осталась лишь часть.

А еще был муж, который спал сегодня в соседней комнате, потому что собирался после отставки переехать к другой женщине.

Я посмотрела на телефон.

Нина наверняка еще не спала. Можно было позвонить ей, рассказать все и попросить совета. Она приехала бы даже ночью, если бы я сказала, что мне плохо.

Но я пока не могла представить, как начну этот разговор.

«Нин, у Глеба другая женщина».

Слова казались чужими. Их невозможно было произнести вслух без ощущения, что они относятся к кому-то другому. Я решила позвонить завтра.

В спальне стоял привычный запах Глебова одеколона. На спинке кресла висел его домашний кардиган, на прикроватной тумбочке лежала книга, которую он читал уже несколько недель.

Я взяла кардиган, собираясь отнести в кабинет, но остановилась.

Еще утром эта вещь казалась мне такой же частью дома, как шторы, фотографии или чашки на кухне. Сейчас я не хотела к ней прикасаться.

Положила кардиган в шкаф.

Потом открыла ящик с постельным бельем, достала чистый комплект и сменила простыню.

Ничего отвратительного в старой простыне не было. Я сама постелила ее три дня назад. Но мне почему-то было необходимо сделать хотя бы это.

Когда закончила, присела на край кровати.

За стеной послышался голос Глеба. Он говорил по телефону, негромко и с короткими паузами. Слов разобрать не удалось.

Я не стала прислушиваться.

До сегодняшнего дня мне казалось, что чужие разговоры мужа меня не касаются. Если ему нужно было обсудить служебные дела, он закрывался в кабинете. Если звонили друзья, разговаривал в гостиной или на балконе.

Я уважала его личное пространство.

Теперь не знала, сколько времени среди этих звонков было отведено женщине, с которой он собирался жить в доме у моря.

Мне стало неприятно от собственной беспомощности.

Я не могла отменить прожитые годы, вернуть деньги одним требованием или заставить Глеба снова любить меня. Но могла хотя бы перестать убеждать себя, что не происходит ничего страшного.

Брак закончился.

Не сегодня вечером, когда я нашла документы. И не тогда, когда Глеб произнес слово «развод». Вероятно, он закончился гораздо раньше, только мне об этом никто не сообщил.

Я поднялась и пошла на кухню за водой. Возле комода задержалась.

На верхней полке лежали старые блокноты, записные книжки, папка с рецептами. Между ними виднелся синий тканевый корешок.

Я достала блокнот, который купила три года назад.

Обложка немного потерлась по краям. Внутри лежали фотографии домов, вырезанные из журналов, несколько рекламных буклетов и лист с записанными телефонами агентств недвижимости.

На первой странице стояла дата.

Я написала ее летом, после отпуска, когда мы с Глебом окончательно решили, что будем переезжать на юг.

Ниже аккуратными буквами вывела:

«Наш дом после службы».

Я перелистнула страницу.

Там были первые наброски кухни. Справа я отметила место для холодильника, возле окна — обеденный стол. На полях записала размеры старого материнского буфета, чтобы потом понять, поместится ли он у стены.

На следующем листе находился рисунок террасы.

Глеб нарисовал ее сам. Его линии были ровными, уверенными. Он даже подписал, какие доски лучше использовать для настила.

Я провела пальцем по карандашным штрихам. Когда он рисовал эту террасу, у него уже была другая женщина? Нет, тогда, вероятно, еще не было. Или я просто очень хотела верить, что хоть какая-то часть наших планов существовала по-настоящему.

Я устроилась за кухонным столом и стала листать блокнот дальше.

Нашла список растений, которые мы выбирали вместе. Несколько адресов строительных магазинов. Перечень вещей, которые собирались оставить в квартире при продаже.

На одной странице Глеб написал:

«Гараж минимум 6 × 4. И место под инструменты».

Я вспомнила, как спорила с ним из-за этой записи. Говорила, что ему не нужен целый гараж для нескольких отверток и дрели. Он возражал, что после отставки наконец займется чем-нибудь своими руками.

Тогда мы смеялись.

Я закрыла глаза и попыталась вспомнить его прежний смех. Когда Глеб смеялся, он запрокидывал голову и на несколько мгновений становился похож на молодого офицера, за которого я когда-то вышла замуж.

Мне удалось. И от этого стало еще хуже.

Я не хотела, чтобы все хорошее в нашей жизни оказалось ложью. Не могла поверить, что каждый поцелуй, каждая поездка и каждый обычный семейный вечер были частью обмана. Но последние два года, о которых я теперь знала, уже невозможно было вернуть в прежнее состояние.

Я открыла блокнот на первой странице.

Под заголовком находилась небольшая запись, сделанная моей рукой:

«Когда Глеб уйдет в отставку, начнем жить не от командировки до командировки, а для себя».

Я долго смотрела на эти слова. Потом взяла карандаш, лежавший в сгибе обложки, и поставила рядом с датой сегодняшнее число. Не зачеркнула заголовок, не стала вырывать страницу. Просто отметила день, когда узнала правду.

В кабинете за стеной погас свет. Глеб, наверное, лег спать. Завтра ему предстояло рано вставать, и он не привык нарушать свой распорядок даже из-за неприятностей дома.

Я тоже должна была лечь. Утром меня ждали работа, документы по поликлинике и разговор с Ниной, которого я уже боялась.

Но вместо этого я еще долго сидела на кухне, держа раскрытый блокнот.

На нарисованной Глебом террасе стояли два кресла. Я сама попросила его добавить второе, когда он сначала изобразил только одно. Он тогда посмеялся и сказал, что, конечно, предусмотрит место для жены.

Я смотрела на эти два кресла и пыталась вспомнить, когда в последний раз он говорил о нашем будущем так, словно действительно собирался провести его со мной.

Глава 2. Сумма прописью

Утром Глеб сварил кофе на двоих.

Я услышала, как он возится на кухне, еще до того, как окончательно проснулась. Сначала негромко звякнула ложка, потом открылась дверца шкафа. Следом раздался характерный звук кофемашины.

Было без четверти семь.

В обычный день муж вставал первым, принимал душ, одевался и уходил, оставляя мне грязную чашку возле раковины. Кофе для меня он готовил редко. По выходным, когда пребывал в особенно хорошем настроении, или после ссор, в которых чувствовал свою неправоту, но не хотел произносить извинений.

Я лежала, глядя на пустую половину кровати.

Ночью мне удалось поспать часа три. Сначала я долго сидела на кухне, потом пыталась читать, открывала телефон, закрывала, снова брала в руки синий блокнот. Под утро задремала прямо поверх покрывала, не выключив настольную лампу.

Проснувшись, не сразу вспомнила вчерашний разговор. Несколько секунд меня занимала совершенно обычная мысль: нужно забрать из химчистки Глебов костюм, иначе к выходным не успеют.

Потом вспомнила Киру Орехову, дом у моря, два миллиона шестьсот тысяч рублей. И то, как спокойно муж произнес слово «развод».

Я села, опустила ноги на пол и несколько раз провела ладонями по лицу.

Хотелось отменить этот день. Не вставать, не видеть Глеба, не отвечать на вопросы коллег, не заниматься расчетами, в которых любой неверно поставленный знак мог обернуться серьезными неприятностями.

Но в девять утра у меня было совещание по реконструкции поликлиники.

Я пошла в ванную, умылась холодной водой и долго смотрела на свое отражение.

Мне было пятьдесят два. Каштановые волосы, которые я подкрашивала раз в полтора месяца, за ночь растрепались. Под глазами появились тени. На щеке остался след от складки подушки.

Я не выглядела старухой.

Почему-то это показалось важным.

Вчера, узнав возраст Киры, я невольно начала сравнивать себя с ней, хотя даже не знала, как она выглядит. И теперь, стоя перед зеркалом, поймала себя на желании проверить, насколько сильно проигрываю неизвестной женщине.

Разозлилась на себя.

Глеб изменил не из-за складки возле моего рта. И не потому, что у тридцативосьмилетней женщины кожа моложе.

Он сделал собственный выбор.

Мне еще предстояло понять, как жить с последствиями этого выбора, но искать в зеркале его причины я не собиралась.

Когда я вошла на кухню, Глеб стоял возле окна. На нем были темные брюки и домашний пуловер. Волосы после душа еще не высохли.

На столе стояли две чашки.

— Доброе утро, — сказал он.

Я посмотрела на него.

Он, кажется, действительно ожидал ответа.

— Доброе.

— Кофе налил. Твой без сахара.

— Спасибо.

Я села на свое место. Чашка была горячей, и я осторожно взяла ее за ручку.

Глеб устроился напротив.

Некоторое время мы молчали. Я смотрела на узкую полоску солнечного света, падавшую на столешницу. Вчера вечером шел дождь, а сегодня за окном было почти по-летнему ясно.

— Я думал о нашем разговоре, — наконец произнес муж.

Я подняла глаза.

— И?

— Мы оба вчера наговорили лишнего.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять смысл этих слов.

— Что именно лишнего сказала я?

— Марина, я не собираюсь разбирать каждую фразу.

— Но ты ведь сказал, что мы оба наговорили лишнего.

Глеб поставил чашку.

— Я имею в виду общее настроение разговора. Ты была потрясена, я устал. Не стоило обсуждать такие вещи поздно вечером.

— А когда следовало? Два года назад?

Он нахмурился.

— Мы опять начинаем.

Я отпила кофе. Он оказался крепче обычного.

— Глеб, вчера ты сообщил, что у тебя другая женщина, что ты собираешься с ней жить и уже потратил часть наших накоплений. Что из этого ты предлагаешь обсудить в более спокойной обстановке?

— Все. По порядку. Без взаимных обвинений.

— А обвинять тебя нельзя?

— Можно, если это тебе поможет. Только деньги и документы от этого никуда не денутся.

Я посмотрела на мужа внимательнее.

Ночью он явно обдумал наш разговор. Однако его занимало не столько мое состояние, сколько необходимость правильно организовать предстоящие события.

— Я хочу предложить разумный вариант, — продолжил Глеб. — Не принимать поспешных решений. Сначала я закончу службу, потом займемся квартирой. У тебя будет достаточно времени решить, где ты хочешь жить.

— А ты?

— Что я?

— Где будешь жить ты, пока все это происходит?

Он отвел взгляд к окну.

— Пока здесь. Потом посмотрим.

— Здесь, со мной?

— Марин, квартира общая. Мы взрослые люди, можем какое-то время жить в разных комнатах.

— Ты вчера сказал, что хочешь развода.

— И я от своих слов не отказываюсь.

— Тогда не понимаю, почему мы должны продолжать жить как прежде.

— А кто говорит, что как прежде? Я просто не вижу смысла создавать себе дополнительные проблемы.

Мне хотелось спросить, относит ли он мое присутствие к этим проблемам, но я промолчала.

Глеб допил кофе.

— Я прошу тебя об одном. Не устраивай сейчас никаких разбирательств с Кирой. Она не обязана участвовать в наших семейных разговорах.

Я медленно опустила чашку.

— Ты серьезно?

— Вполне.

— Два года она встречалась с моим мужем, получила от него деньги, собирается покупать с ним дом, но участвовать в происходящем не обязана?

— Она не забирала у тебя деньги. Перевод сделал я.

— Это правда.

Глеб, похоже, решил, что я согласилась.

— Вот и хорошо. Все финансовые вопросы будем решать между собой.

— Обязательно. Только я пока не знаю, каким образом.

— Я подготовлю расчеты.

— Не нужно, — ответила я.

Он удивленно поднял брови.

— Почему?

— Потому что сначала я хочу разобраться сама.

— В чем ты собираешься разбираться? Марина, ты же знаешь, какие у нас активы.

— Оказывается, не все.

Глеб перестал смотреть на меня.

— Если ты имеешь в виду перевод, мы вчера это обсудили.

— Мы ничего не обсудили. Ты просто сообщил мне, что сделал.

Я встала, отнесла чашку в раковину и услышала за спиной тяжелый вздох.

— Надеюсь, ты не собираешься бегать по адвокатам и превращать нормальный развод в бесконечную тяжбу.

Я обернулась.

— Почему нормальный?

— Что?

— Почему ты называешь наш развод нормальным?

Глеб помолчал.

— Потому что люди разводятся. Даже после долгого брака. Это неприятно, но не конец света.

Я смотрела на него, пытаясь найти в знакомом лице хоть какой-нибудь признак того, что он понимает, как звучат его слова.

— Для тебя, возможно, и нет.

Он поднялся.

— Я не хочу тебя обидеть.

— Тогда не объясняй мне, насколько незначительно то, что со мной произошло.

Муж направился к выходу, но возле двери остановился.

— Вечером я задержусь. Не готовь на меня.

Раньше я непременно уточнила бы, во сколько он вернется. Теперь лишь кивнула.

Глеб ушел переодеваться.

Через двадцать минут входная дверь закрылась, и я осталась одна.

Я не знала, куда он поедет вечером. На работу, к Кире или к кому-нибудь из друзей.

Впервые за двадцать восемь лет я решила, что не стану спрашивать.

***

На совещании я дважды перепутала номера листов.

Сергей Павлович, наш руководитель, заметил это на третьем расчете, когда я начала объяснять стоимость работ по вентиляции, ссылаясь на схему отопления.

— Марина Викторовна, — негромко сказал он, — вы сегодня не в форме.

Я смутилась.

— Извините. Сейчас исправлю.

— Не торопитесь. У нас здесь не соревнование по скорости чтения.

Сотрудники улыбнулись.

Я нашла правильный лист и продолжила доклад, хотя чувствовала, как горят щеки.

За четырнадцать лет работы со мной подобное случалось редко.

Обычно я замечала ошибки раньше остальных. Даже Нина, которая обожала спорить по любому поводу, признавала, что проверять за мной цифры практически бесполезно.

Сегодня же мысли постоянно возвращались к папке с банковской выпиской.

Два миллиона шестьсот тысяч — почти две трети семейных накоплений. Мы откладывали их годами.

Когда Дарья поступила в университет, мы купили ей ноутбук из текущих доходов, хотя было проще взять деньги со счета. Когда я предложила заменить старую машину, Глеб настоял, чтобы мы подождали еще год.

Он говорил, что накопления трогать нельзя: это деньги на будущее. Теперь оказалось, что будущее у нас было разное.

После совещания Сергей Павлович попросил меня задержаться.

Он закрыл дверь переговорной и сел напротив.

— Что случилось?

— Ничего серьезного. Плохо спала.

— Марина Викторовна, я вас достаточно давно знаю. Вы можете не рассказывать подробности, но мне нужно понимать, справитесь ли вы с объектом.

Мне стало неловко.

— Справлюсь.

— Хорошо. Тогда сегодня не сидите до восьми вечера. Закончите то, что необходимо, остальное перенесем.

— Там сроки...

— Я помню сроки. Именно поэтому не хочу, чтобы вы переделывали документы из-за усталости.

Он открыл папку.

— И еще. По поводу руководства новой группой я все-таки хотел бы услышать окончательный ответ. До конца месяца нужно определить человека.

Я замерла.

Всего вчера мне казалось очевидным, что от этой должности следует отказаться.

Теперь я не знала, где буду жить через месяц, не говоря уже о лете.

— Можно я отвечу через несколько дней?

— Конечно. Но долго не затягивайте.

Он посмотрел на меня поверх очков.

— И не думайте, что я предлагаю должность из жалости или потому, что больше некому. Мне нужен человек, который способен самостоятельно принимать решения и не боится ответственности. Вы подходите.

Я поблагодарила его и вышла.

В коридоре меня ждала Нина.

— Ну? — спросила она. — Уволили за прогулы, которых не было?

— Не смешно.

Она сразу перестала улыбаться.

— Марин, что случилось?

Я хотела ответить привычное «ничего».

Но Нина смотрела на меня слишком внимательно.

— У Глеба другая женщина, — произнесла я.

В коридоре кто-то засмеялся. Из соседнего кабинета вышли двое молодых инженеров, обсуждая новый проект. Один поздоровался со мной.

Я ответила автоматически.

Нина взяла меня за локоть.

— Пойдем.

Она отвела меня в маленькую комнату, где мы иногда обедали, закрыла дверь и опустила жалюзи.

— Садись.

Я села.

Нина устроилась напротив.

— Повтори.

— У Глеба любовница. Два года. Он собирается с ней жить после отставки.

Она довольно долго молчала, потом спросила:

— Ты уверена?

— Он сам сказал.

— Понятно.

Нина поправила очки, потом сняла, протерла салфеткой и снова надела.

Я знала этот жест. Обычно она так делала, когда ей хотелось немедленно высказать все, что думает, но требовалось сохранить профессиональную вежливость.

— Два года? — переспросила она.

Я кивнула.

— И все это время он обсуждал с тобой переезд?

— Да.

— Господи.

Нина откинулась на спинку стула.

— Марин, мне сейчас хочется сказать много такого, после чего ты начнешь его защищать. Поэтому я пока помолчу. Что ты собираешься делать?

— Не знаю.

— Совсем?

— Я хочу развода. Он тоже. Но...

Я замолчала.

Нина ждала.

— Он перевел ей наши деньги. Два миллиона шестьсот тысяч. На покупку дома у моря.

— Сколько?

Я повторила сумму.

Подруга выпрямилась.

— А вы собирались покупать дом для себя?

— Да.

Она тихо выругалась.

Я впервые за утро едва заметно улыбнулась.

— Вот приблизительно то же самое я вчера подумала.

— Нет, Марин. Я еще очень сдержанно выразилась.

Нина придвинула ко мне коробку с бумажными салфетками, хотя я пока не плакала.

— Ты документы видела?

— Да. Сфотографировала.

— Хорошо.

— Не знаю, насколько это хорошо. Может, он имел право переводить деньги. Счет-то на его имя.

— Счет и собственность — не одно и то же. Но я тебе сейчас не стану рассказывать законы, в которых разбираюсь не лучше любого другого человека.

Она достала телефон.

— У меня есть номер семейного юриста. Алла Козлова. Помнишь, я рассказывала, как сестра делила квартиру после развода?

— Помню.

— Вот она ей помогала. Не обещаю, что все будет просто, но хотя бы узнаешь, какие у тебя варианты.

Я записала номер.

Нина несколько секунд наблюдала за мной.

— Ты сегодня домой поедешь?

— А куда мне еще ехать?

— Ко мне.

— Нин...

— Даже не начинай. У меня свободная комната. Коля сейчас в командировке, вернется через неделю. Места достаточно.

— Я не хочу вам мешать.

— А я не хочу, чтобы ты ночевала в одной квартире с человеком, который два года водил тебя за нос.

— Он спал в кабинете.

— Великое достижение.

Я потерла лоб.

— Мне нужно хотя бы разобраться с документами. И вещи собрать.

— Вот и разберись. А вечером приезжай.

— Нина, я правда...

Она перебила:

— Марин, ты мне четырнадцать лет помогаешь с работой, слушаешь жалобы на Колю, прикрывала меня, когда мама лежала в больнице. Давай я хотя бы один раз помогу тебе без длинных объяснений, почему ты не хочешь причинять неудобства.

Я посмотрела на нее.

Нина редко говорила о дружбе вслух. Мы просто знали, что можем положиться друг на друга.

— Спасибо, — сказала я.

Она кивнула.

— А теперь давай поедим. Я купила пирожки. Не очень хорошие, зато горячие.

Я вдруг почувствовала, что ужасно голодна.

Мы ели за маленьким столом, над которым висел старый календарь с изображением гор.

Нина не расспрашивала о Кире, не требовала подробностей измены, не советовала немедленно подать на развод и найти себе молодого любовника.

Только один раз, когда я сказала, что Глеб, возможно, давно был несчастлив, она отложила пирожок.

— Марин, он имел право быть несчастливым. Имел право сказать об этом, предложить разойтись, жить отдельно. Но когда человек два года врет и тратит общие деньги на любовницу, это уже не вопрос счастья.

Я молчала.

— Ты можешь любить его еще сколько угодно, — добавила Нина. — Только не надо из этой любви делать ему оправдание.

Мне было неприятно слышать, что я все еще люблю Глеба. Но Нина сказала правду: за одну ночь невозможно перестать любить человека, которого любила почти тридцать лет. Даже если теперь знаешь о нем то, чего никогда не хотела узнать.

***

Алла Козлова назначила мне встречу на четыре часа дня.

По телефону она говорила кратко, без сочувственных интонаций. Спросила, есть ли несовершеннолетние дети, в браке ли приобреталась квартира, на чье имя открыты счета и какие документы я могу предоставить.

Я ответила на вопросы.

— Принесите то, что у вас есть, — сказала она. — Не нужно самостоятельно искать чужие пароли или получать документы обманным путем. Сначала посмотрим, чем располагаете законно.

Эта фраза меня удивила.

— Вы думаете, я собираюсь взламывать мужу телефон?

— Я пока о вас ничего не думаю, Марина Викторовна. Просто за двадцать лет практики видела, какие поступки совершают люди в состоянии сильной обиды. Потом эти поступки создают дополнительные проблемы.

Я пообещала принести документы.

После разговора открыла фотографии выписок. Все суммы, даты и реквизиты хорошо читались. Я переслала снимки на собственную электронную почту и сохранила в отдельной папке.

Потом нашла последние совместные расчеты по покупке дома.

Мы вели их в электронной таблице. Я составляла ее сама, поэтому файл хранился на моем компьютере. Там были первоначальные четыре миллиона накоплений, предполагаемые расходы на сделку и ремонт, стоимость квартиры по оценкам агентств.

Я просмотрела последнюю версию.

Все выглядело вполне разумно.

Приблизительно двенадцать миллионов за нашу квартиру. Четыре миллиона накоплений. Еще немного свободных денег на текущих счетах.

Мы рассчитывали купить дом за восемь-девять миллионов, оставить средства на ремонт и жить без долгов.

Теперь два миллиона шестьсот тысяч оказались у Киры.

Но самое неприятное заключалось даже не в сумме.

Глеб мог перевести деньги еще в феврале, а вечером сидеть со мной за столом и обсуждать, стоит ли покупать новую мебель после переезда.

Я вспомнила, как в марте предложила поехать посмотреть один дом.

Он отказался. Сказал, что пока бессмысленно тратить выходные на поездки.

К тому времени он уже перевел деньги другой женщине.

Я открыла нашу старую переписку.

Сначала нашла сообщение с фотографиями побережья. Глеб прислал его в начале февраля, подписав: «Вот здесь мне нравится».

Я тогда ответила, что место красивое, но надо узнать, далеко ли магазины и больница.

Он написал: «Ты как всегда думаешь обо всем».

Я несколько раз перечитала эти слова, потом закрыла переписку.

Мне показалось, что я начинаю заниматься чем-то бессмысленным: проверять каждое сообщение в надежде найти точку, после которой все стало неправдой.

Такой точки могло и не существовать.

Люди не обязательно перестают любить в один определенный день. Иногда долго продолжают говорить привычные слова, уже почти не задумываясь, что они означают.

Но перевод денег был конкретным действием: его можно было проверить, посчитать и объяснить. По крайней мере, я надеялась.

***

В назначенное время юрист приняла меня в небольшом офисе на втором этаже старого административного здания.

Алла Козлова оказалась невысокой женщиной лет сорока пяти, с короткой стрижкой и спокойным лицом. На ее столе лежали аккуратные стопки документов, рядом стояла чашка с недопитым чаем.

Она предложила мне воду, открыла блокнот и спросила:

— Расскажите, какого результата вы хотите.

Я растерялась.

Я ожидала, что меня начнут расспрашивать о муже, любовнице и деньгах. А она сразу предложила сформулировать цель.

— Я хочу развестись.

— Муж согласен?

— Да. Более того, это его решение.

— Тогда сам развод, при отсутствии общих несовершеннолетних детей, можно оформить через ЗАГС. Спор об имуществе этому не препятствует. Что касается денег, здесь потребуется отдельный разговор. Вы хотите сохранить квартиру или получить долю от ее стоимости?

— Пока не знаю. Возможно, квартиру лучше продать.

— А где вы будете жить?

Я рассказала о доме, который остался после смерти матери.

Алла записала адрес поселка.

— Он оформлен на вас в порядке наследования?

— Да.

— В браке в него вкладывались существенные совместные средства? Делали капитальную реконструкцию, пристройку?

— Нет. Мы ездили туда несколько раз в год, поддерживали порядок. Крупного ремонта не было.

— Хорошо. Тогда на данный момент оснований считать этот дом совместным имуществом из ваших слов не следует. Но документы я все равно посмотрю.

Она перешла к квартире: уточнила дату покупки, наличие кредита, историю приобретения. Я отвечала, постепенно успокаиваясь.

Разговор был похож на рабочее совещание. Никто не спрашивал, почему муж предпочел другую женщину. Никто не предлагал доказать собственную привлекательность или немедленно отомстить.

Мы разбирались в документах.

Когда дошли до банковского перевода, Алла попросила показать фотографии.

Она внимательно прочитала текст на снимках.

— Вы говорите, деньги перечислялись из накоплений, сформированных во время брака?

— Да.

— Можете подтвердить происхождение средств?

— Частично. У меня есть наша таблица накоплений, выписки по моим переводам, некоторые банковские документы. Остальные сведения, насколько я понимаю, находятся у мужа.

— Таблица полезна для восстановления хронологии, но сама по себе не доказывает движение средств. Банковские документы важнее.

Я кивнула.

— А он мог так поступить? Просто взять общие деньги и перечислить любовнице?

Алла сняла очки.

— Супруги распоряжаются совместным имуществом по взаимному согласию. Но доказать отсутствие согласия и обстоятельства расходования денег бывает непросто. Сам факт перевода не означает, что суд автоматически обяжет вашего мужа вернуть половину суммы.

— То есть он может просто сказать, что это его деньги?

— Сказать может. Это не делает их его личной собственностью. Если деньги получены в период брака и не относятся к исключениям, они, как правило, считаются общими. Другое дело — как именно учитывать спорный перевод при разделе.

Она пододвинула ко мне лист бумаги.

— Нам нужно выяснить, кому, когда и на каком основании перечислены средства, какие документы подтверждают назначение платежа, были ли они потрачены в интересах семьи. Если договориться не получится, вопрос может решаться в суде. Иногда удается учесть такие расходы при распределении имущества, но заранее обещать вам определенную сумму было бы недобросовестно.

— А если Кира уже потратила деньги?

— Это усложняет обстоятельства, но не означает, что мы вообще ничего не можем предпринять. Сначала установим факты. Возможно, удастся договориться с супругом о компенсации без судебного спора.

Я посмотрела на фотографии.

— Он сказал, что счет на его имя.

Алла слегка приподняла брови.

— И?

— С таким видом, будто это все объясняет.

— Для банковских операций имя владельца счета имеет значение. Для определения режима совместно нажитого имущества — не всегда решающее. Не путайте эти вопросы.

Я невольно улыбнулась.

— Простите. Наверное, для вас это очевидно.

— Для меня очевидно только то, что вы должны понимать, с какими документами и рисками имеете дело.

Она просмотрела мои записи еще раз.

— Ваш муж предлагает какое-нибудь соглашение?

— Говорит, что подготовит.

— Пока ничего не подписывайте без проверки. И не соглашайтесь на устные договоренности о крупных суммах, если не понимаете всех последствий.

— Он будет недоволен.

Алла посмотрела на меня.

— Марина Викторовна, мы сейчас обсуждаем не настроение вашего мужа.

Я опустила глаза.

Она произнесла это совершенно спокойно, без упрека. Но мне стало неприятно от того, насколько привычным оказался мой собственный ответ.

Глеб будет недоволен. Как будто это было обстоятельство, которое юрист должна принять во внимание наряду со стоимостью квартиры и размером накоплений.

— Да, — сказала я. — Вы правы.

— На первое время я советую вам составить перечень имущества. Квартира, машины, счета, дорогостоящие приобретения, возможные обязательства. Не нужно считать каждую ложку и полотенце, но все существенное лучше зафиксировать.

Алла записала несколько пунктов на отдельном листе.

— И еще. Если вы решите временно переехать из общей квартиры, это само по себе не означает отказа от прав на нее. Просто сохраните документы и не подписывайте ничего в спешке.

— Я как раз думаю пожить отдельно.

— Это ваше решение. Главное, чтобы оно не было принято под давлением.

Я вспомнила утренний разговор с Глебом.

Он предложил не торопиться, подождать завершения службы, спокойно обсудить условия. В его представлении все выглядело разумно.

Но почему-то в этом разумном плане для меня не находилось права самой определять сроки и порядок собственной жизни.

Мы разговаривали с Аллой почти час.

К концу встречи у меня появился список необходимых документов, понимание возможных вариантов раздела имущества и несколько вопросов, которые предстояло задать мужу.

Когда я собиралась уходить, юрист вдруг сказала:

— И, Марина Викторовна, разрешите один совет не по юридической части?

Я остановилась.

— Конечно.

— Не пытайтесь решить всю оставшуюся жизнь за неделю. У вас есть работа, жилье и время разобраться. Сейчас достаточно нескольких последовательных действий.

Я поблагодарила ее.

На улице было тепло. Возле входа в здание продавали тюльпаны, а чуть дальше двое рабочих чинили тротуар.

Я села в машину и долго не заводила двигатель.

До разговора с Аллой мне казалось, что я стою перед огромной стеной, за которой ничего не видно. Квартира, деньги, развод, переезд — все слилось в одну проблему.

Теперь появилась возможность разделить ее на части.

Документы, счета, жилье, работа — вопросы, которые требовали решения. И чувства, с которыми придется разбираться гораздо дольше.

Я достала телефон и написала Нине:

«У юриста была. Вечером расскажу. Можно я сегодня к тебе приеду?»

Ответ пришел почти сразу:

«Комната готова. Покупай что-нибудь к чаю. Я забыла».

Я улыбнулась.

Потом завела машину и поехала домой.

***

Глеб вернулся раньше меня.

Его автомобиль стоял во дворе, хотя по пятницам он обычно задерживался допоздна.

Когда я вошла, муж сидел в гостиной с ноутбуком.

На журнальном столике лежала папка, рядом стоял стакан воды.

Он поднял голову.

— Привет. Где была?

Я сняла плащ.

— У юриста.

Глеб медленно закрыл ноутбук.

— Все-таки решила.

— Да.

— Могла бы сначала поговорить со мной.

Я посмотрела на него.

— Мы вчера вечером долго разговаривали.

— Я имею в виду нормально, без посторонних.

— Юрист не посторонний человек, если мы собираемся делить имущество.

Глеб некоторое время молчал, потом указал на кресло.

— Садись. Я как раз подготовил предварительные расчеты.

Мне не хотелось садиться напротив него в нашей гостиной, где мы столько лет смотрели фильмы, отмечали праздники и встречали друзей.

Но я подошла и устроилась в кресле.

Глеб открыл папку. На верхнем листе была таблица.

Я узнала его почерк в нескольких пометках на полях. Раньше он нередко просил меня оформить подобные расчеты в электронном виде, чтобы было удобнее сравнивать варианты.

Теперь справился сам.

— Смотри, — начал он. — Я прикинул стоимость квартиры по последним предложениям агентств. Двенадцать миллионов — нормальная ориентировочная цена. Если продавать быстро, возможно, придется немного уступить.

Я кивнула.

— Дальше машины. Твою оставляем тебе, мою — мне. По стоимости они отличаются, поэтому разницу можно учесть отдельно.

— Хорошо.

— Накопления тоже поделим. Я не собираюсь претендовать на все, что осталось.

Я протянула руку к листу.

— Дай посмотреть.

Глеб передал таблицу.

Первые строки выглядели вполне логично. Стоимость квартиры, примерная оценка автомобилей, текущие остатки средств на известных счетах.

Я быстро пробежала глазами суммы, потом вернулась к разделу накоплений.

В таблице была указана сумма — примерно миллион четыреста тысяч рублей.

Никаких двух миллионов шестисот тысяч, переведенных Кире, не было.

Я подняла голову.

— А где остальные деньги?

Глеб посмотрел на лист, хотя прекрасно знал, о чем я спрашиваю.

— Какие?

— Те, которые ты перевел Ореховой.

— Марина, мы ведь обсуждали. Это уже вложение в другую недвижимость.

— За счет наших накоплений.

— Да. Поэтому я и предлагаю тебе определенные условия по квартире.

Я снова посмотрела на таблицу.

Доля в выручке от продажи квартиры у меня действительно получалась несколько больше половины.

Но разница никак не покрывала половину спорного перевода.

Я достала из сумки блокнот, записала стоимость автомобилей, остатки денег и предполагаемую выручку, затем пересчитала итог.

Глеб наблюдал за мной молча.

— Здесь нет полной суммы, — сказала я.

— Я не утверждал, что это окончательный вариант.

— Тогда зачем ты его показываешь?

— Чтобы мы могли начать разговор.

— Хорошо. Начнем. Почему ты исключил из расчета деньги, которые перевел Кире?

Глеб поджал губы.

— Потому что они уже использованы.

— Это не ответ.

— Марина, ты прекрасно разбираешься в цифрах. Мы можем спорить о каждой строке, но от этого деньги не появятся обратно на счете.

— Они не исчезли. Ты их перечислил конкретному человеку.

— Вложил в дом.

— Дом оформляется на Киру.

— Да.

— Значит, ты использовал общие деньги, чтобы помочь своей любовнице приобрести недвижимость.

Глеб резко выдохнул.

— Ты специально выбираешь самые неприятные формулировки?

— Какую предложишь ты?

Он откинулся на диван.

— Я хочу, чтобы мы обо всем договорились. Именно поэтому готов уступить тебе часть стоимости квартиры.

— Ты не уступаешь, Глеб. Ты предлагаешь мне не учитывать деньги, которые уже потратил.

— А что ты хочешь? Чтобы я забрал их у Киры?

Я положила лист на стол.

— Я хочу, чтобы ты признал: прежде чем распоряжаться семейными накоплениями, ты должен был поговорить со мной.

Он посмотрел на меня с явным раздражением.

— Я уже сказал, что поступил неправильно.

— Сказал. И сразу добавил, что мы давно живем как родственники. Но это не дает тебе права распоряжаться нашими деньгами одному.

Глеб помолчал.

Потом неожиданно тихо спросил:

— А чего ты добиваешься? Чтобы я перед тобой унижался?

Я удивилась.

— Почему признать свою неправоту — унижение?

— Потому что ты два дня разговариваешь со мной так, будто я обязан оправдываться за каждый шаг.

— Не за каждый. За измену и деньги.

— Я тебе ничего не запрещал. Ты работала, занималась своими делами, ездила куда хотела.

Я почувствовала раздражение.

— Я не просила разрешения работать.

— Я и не говорил, что просила. Просто не понимаю, зачем ты сейчас начинаешь вспоминать все семейные обиды.

Я поднялась.

— Потому что ты решил, будто мое участие в нашей жизни можно посчитать по остаткам на банковском счете.

Глеб тоже встал.

— Я прекрасно помню, сколько ты сделала для семьи.

— Тогда почему ведешь себя так, будто эти деньги принадлежали только тебе?

Он прошел к окну, остановился возле шторы.

В профиль муж выглядел усталым. За последние месяцы у него появились глубокие складки возле рта, седина стала заметнее. Когда-то я беспокоилась, что после отставки ему будет трудно привыкнуть к жизни без ежедневной работы. Глеб не умел сидеть без дела.

Теперь, глядя на него, я с неприятной ясностью поняла, что он заранее нашел себе занятие.

Новую женщину, новый дом, новую семью, в которой пока еще все выглядело интересным и многообещающим.

— Марин, — сказал он, не оборачиваясь, — я двадцать восемь лет обеспечивал семью. Никогда не отказывался от ответственности. Когда Даше нужны были деньги на учебу, я их находил. Когда ты хотела новую машину, мы ее купили. Когда твоя мать болела, я помогал с врачами.

Я смотрела на его спину.

— Все верно.

Он обернулся — похоже, ожидал спора.

— Тогда почему ты сейчас делаешь вид, будто я всю жизнь только пользовался твоей добротой?

— Я этого не говорила.

— Ты постоянно намекаешь.

Я устало провела рукой по волосам.

— Глеб, ты перечисляешь хорошие поступки так, словно они дают тебе право на нынешний.

Он замолчал.

Я продолжила:

— Я благодарна тебе за то, что ты заботился о Даше. За помощь моей матери. За то, что мы вместе покупали квартиру и жили не в нужде. Но ты был моим мужем, а не благотворителем. И я тоже работала, воспитывала дочь, переезжала с тобой, вела дом. Почему теперь ты предлагаешь мне благодарить тебя за то, что не оставляешь без денег после измены?

Он медленно сел обратно.

— Я не знаю, как с тобой разговаривать.

— Может быть, без попыток убедить, что все уже решено?

Несколько минут мы молчали, потом Глеб взял таблицу.

— Хорошо. Какой вариант ты считаешь справедливым?

Я не ответила сразу.

Вчера еще не знала, что мне придется обсуждать стоимость собственной семейной жизни. Сегодня уже была у юриста, собирала документы и проверяла расчеты.

Но назвать окончательные цифры не могла.

— Пока никакой, — сказала я. — Мне нужно получить полную информацию по счетам и имуществу. Потом будем разговаривать.

Глеб посмотрел на меня внимательно.

— Тебе юрист это посоветовал?

— Да. И я с ней согласна.

— Ты понимаешь, что юридическое сопровождение стоит денег?

— Понимаю.

— Эти деньги лучше было бы сохранить.

— Возможно. Но решение я уже приняла.

Он бросил таблицу на стол.

— Делай как знаешь.

Я вздрогнула от резкого движения, но промолчала.

Глеб поднялся.

— Только прошу, не впутывай Дашу в финансовые вопросы. Ей незачем разбираться, кто кому сколько должен.

— Я и не собиралась.

— Надеюсь.

Он взял ноутбук, пошел в кабинет и остановился у двери.

— И еще. Я хотел бы, чтобы до моего увольнения мы сохранили хотя бы внешне нормальные отношения. Не надо рассказывать всем подряд, что произошло.

Я посмотрела на него.

— Ты боишься, что люди узнают о Кире?

— Я не хочу лишних разговоров.

— Это не одно и то же.

— Марина, я достаточно лет прослужил, чтобы понимать, как быстро распространяются слухи. Сейчас мне совершенно ни к чему семейные сплетни.

— А мне совершенно ни к чему делать вид, что мы счастливы.

Он устало покачал головой.

— Неужели нельзя хотя бы немного подумать не только о себе?

Я не нашлась с ответом.

Глеб ушел.

Я осталась посреди гостиной, чувствуя себя так, будто после долгого рабочего дня мне предложили разобрать еще одну сложную смету, в которой отсутствует половина исходных данных.

Только в обычной смете я могла запросить недостающие документы и получить ответ.

А здесь человек, с которым я прожила почти тридцать лет, искренне удивлялся, почему мне недостаточно его объяснений.

***

Чемодан я достала с верхней полки шкафа.

Большой, темно-синий, с немного поцарапанной ручкой. Мы купили его перед отпуском шесть лет назад. С тех пор он пережил две поездки к морю, одну заграничную командировку Глеба и несколько моих выездов к родственникам.

Я поставила его на кровать и открыла.

Первым делом положила белье, несколько футболок, джинсы, удобные брюки. Потом достала из шкафа темный костюм для работы и платье, которое надевала на семейные праздники. Подержала платье в руках.

Платье было красивым: темно-зеленое, с мягким вырезом и узкими рукавами. Глеб однажды сказал, что этот цвет особенно идет к моим глазам.

Я аккуратно сложила его и тоже положила в чемодан.

Не собиралась отказываться от собственных вещей только потому, что они нравились мужу.

Затем занялась документами: паспорт, свидетельство о браке, бумаги на материнский дом, трудовые документы, медицинские полисы, банковские карты. Все проверяла дважды.

Глебов паспорт лежал в общем отделении комода, где мы хранили документы для поездок. Я автоматически взяла его и положила рядом со своим. Только через несколько секунд поняла, что делаю, и вернула паспорт на место.

Обычное действие, но именно оно неожиданно заставило меня сесть на край кровати.

Двадцать восемь лет я собирала документы для нас обоих.

Проверяла, не забыли ли мы билеты, лекарства, зарядные устройства. Помнила, в каком кармане чемодана лежит запасной ключ от машины. Покупала в дорогу воду, салфетки и что-нибудь перекусить, потому что Глеб терпеть не мог останавливаться на заправках без необходимости.

Я знала, что он забывает крем от солнца, что в поезде ему нужна дополнительная подушка, что он любит читать перед сном, но никогда не берет с собой достаточно книг.

Теперь мне предстояло собрать вещи только для себя.

Я открыла небольшой ящик туалетного столика и достала шкатулку.

Внутри лежали серьги, несколько колец, тонкие цепочки, браслет с моего последнего дня рождения.

Глеб умел выбирать украшения. Иногда ошибался с размером, но обычно попадал в мой вкус. Я любила серебро и белое золото, не носила крупные камни и всегда предпочитала простые вещи, которые можно надеть и на работу, и в ресторан.

Я переложила украшения в дорожный футляр, потом принялась снимать обручальное кольцо. Пришлось намочить палец и осторожно повернуть кольцо несколько раз.

Я положила кольцо в шкатулку и закрыла крышку. Никакого облегчения — только неприятная пустота на пальце, словно сняла вещь, которую слишком долго носила.

За дверью послышались шаги.

Глеб заглянул в спальню.

— Ты куда собираешься?

Я продолжила складывать одежду.

— К Нине.

— Зачем?

— Поживу у нее несколько дней.

Он посмотрел на чемодан.

— Мы же договорились, что пока можем находиться в одной квартире.

— Ты предложил. Я не согласилась.

— Марина, у нас три комнаты. Я не вижу необходимости в таком переезде.

— А я вижу.

Глеб подошел ближе.

— Ты уже рассказала ей?

— Да.

Он остановился.

— Прекрасно.

Я подняла голову.

— Что именно тебя не устраивает?

— Ты понимаешь, что Нина теперь станет обсуждать это со всеми вашими коллегами?

Я даже не сразу поняла, что он имеет в виду.

— Она моя подруга.

— Именно. А у подруг обычно есть другие подруги.

— Глеб, Нина не собирается обсуждать тебя на работе.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я знаю ее пятнадцать лет.

Он посмотрел на меня с плохо скрытым раздражением.

— Я просил пока не выносить наши проблемы за пределы семьи.

Я закрыла чемодан и проверила молнию.

— А я не давала такого обещания.

— Удивительно, как быстро ты изменилась.

Мне захотелось спросить, что именно его удивляет. Что я не согласилась молчать? Не подписала предложенные бумаги? Или решила ночевать не в соседней комнате, пока он готовится к переезду с любовницей?

Но вместо этого я сказала:

— Мне нужно немного времени без тебя.

Глеб прислонился плечом к дверному косяку.

— Ты думаешь, у Нины будет легче?

— Не знаю. Но там мне не придется каждое утро встречать человека, который два года скрывал от меня другую женщину.

Он помолчал.

— Я не собирался издеваться над тобой.

— Возможно. Но мне от этого не легче.

Глеб посмотрел на чемодан.

— Что ты скажешь Даше?

Я перестала поправлять ремень сумки.

— Правду. Когда смогу.

— Может, не стоит пока?

— Она собирается приехать в воскресенье. И собирается обсуждать твой день рождения. Ты предлагаешь мне продолжать выбирать ресторан?

Он не ответил.

Я взяла документы со столика.

— Глеб, я не собираюсь настраивать дочь против тебя. Но и врать ей не буду.

— Я хотел поговорить с ней сам.

— Ты можешь это сделать. Только сначала мы должны решить, что именно ей скажем.

Он провел рукой по волосам.

— Хорошо. Давай завтра.

— Завтра я буду у Нины.

— Я имею в виду по телефону.

Я кивнула.

Муж отошел от двери, пропуская меня.

Я вынесла чемодан в коридор.

Глеб помог поставить его возле входа, хотя я не просила. Потом вернулся в спальню и принес забытый мной дорожный несессер.

— Держи. Вечно оставляешь его на полке.

Я взяла несессер.

Этот маленький жест оказался болезненнее, чем я ожидала.

Глеб по-прежнему помнил мои привычки, замечал, какие вещи я забываю при сборах. Знал, что я плохо переношу долгую дорогу без воды, люблю спать у открытого окна и всегда теряю маленькие ножницы для маникюра.

Но это знание не помешало ему предать меня.

Он стоял передо мной, и я вдруг поняла, что все хорошее, что мы делали друг для друга, никуда не исчезло.

Просто его оказалось недостаточно.

— Спасибо, — сказала я.

— Марин...

Я посмотрела на него.

Он хотел что-то добавить, но передумал.

— Позвони, когда доедешь.

Я кивнула.

Раньше эта просьба казалась мне естественной. Мы всегда сообщали друг другу, что добрались до места. Даже после коротких поездок.

Теперь я не знала, какое место в нашей жизни должны занимать подобные привычки.

Вышла из квартиры, закрыла дверь и вызвала лифт.

Пока ждала, услышала, как Глеб поворачивает ключ изнутри.

Я вдруг вспомнила, что забыла взять зарядное устройство для ноутбука.

Потянулась к звонку, но остановилась.

Купить запасное было проще, чем еще раз входить в квартиру.

***

Нина открыла дверь раньше, чем я успела позвонить второй раз.

На ней были домашние брюки, широкая футболка и старый фартук с изображением огромного помидора.

— Проходи. Только сразу предупреждаю: я пыталась приготовить ужин, но результат получился спорный.

Я невольно улыбнулась.

— Что готовила?

— Куриные котлеты. Кажется, они слишком сильно обиделись на сковородку.

Я поставила чемодан в прихожей.

Из кухни пахло жареным луком и специями. Где-то работал телевизор, на подоконнике стояли цветы, которых у Нины всегда было больше, чем свободного места.

Она показала мне небольшую комнату.

— Здесь будешь жить. Постель чистая, полотенца в шкафу. Если нужен дополнительный плед, возьми в коридоре.

— Спасибо, Нин.

— Перестань благодарить. Ты меня этим уже утомила.

Она вышла, оставив меня одну.

Я поставила чемодан возле шкафа, достала телефон и написала Глебу:

«Доехала».

Несколько секунд смотрела на сообщение, потом отправила.

Он ответил почти сразу:

«Хорошо. Береги себя».

Я выключила экран.

В комнате было уютно. Светлые стены, узкая кровать, письменный стол возле окна. На полке лежали несколько книг, которые Нина, судя по всему, собиралась прочитать, но до сих пор не находила времени.

Я открыла чемодан и начала раскладывать вещи.

Через десять минут Нина заглянула:

— Ужинать будешь?

— Буду.

— Отлично. Я уже собиралась сама съесть все котлеты, чтобы никто не узнал, что они получились сухими.

Мы сидели на кухне почти до полуночи.

Нина слушала, как прошла встреча с юристом, задавала вопросы, иногда делала замечания, от которых мне хотелось спорить.

Когда я рассказала о таблице Глеба, она долго смотрела на меня.

— То есть он сначала потратил деньги на дом любовнице, а теперь предлагает разделить остаток?

— Он обещает учесть часть суммы при продаже квартиры.

— Какую часть?

Я назвала цифру.

Нина покачала головой.

— Он прекрасно умеет считать, когда ему выгодно.

— Считать умеют многие. Вопрос в том, что именно они включают в расчет.

Подруга улыбнулась.

— Вот теперь я узнаю нашу Марину Викторовну.

Я посмотрела на нее.

— А какой ты меня ожидала увидеть?

— Не знаю. Только сегодня у тебя был такой голос, что я испугалась.

— Я сама испугалась.

Нина перестала улыбаться.

— Знаю.

Она подлила мне чай.

— Ты ведь не обязана все решить прямо сейчас.

— Мне это сегодня юрист сказала.

— Умная женщина.

Я взяла чашку обеими руками.

— Понимаешь, самое странное, что я не могу перестать думать о нашем доме.

— Который у моря?

Я кивнула.

— О том, как мы выбирали окна, мебель, даже растения для сада. Я знала, где поставлю мамин буфет. Представляла, как будем завтракать на террасе. Мне кажется, я последние несколько лет жила именно ради этого.

Нина слушала молча.

— А теперь выясняется, что он уже покупает дом с другой женщиной. И я понятия не имею, какие из наших разговоров были настоящими.

— Марин, — сказала она, — настоящим было то, что ты чувствовала. Не обязательно все остальное.

Я посмотрела на нее.

— Думаешь, он вообще меня не любил?

— Не знаю. И не собираюсь делать вид, что знаю. Я видела его с тобой много лет. Иногда он вел себя как заботливый муж, иногда — как упрямый самодовольный человек. Но что происходило у него в голове, никто, кроме него самого, не скажет.

Я вздохнула.

— Мне хочется понять, когда все изменилось.

— Это понятно.

— И одновременно не хочется ничего узнавать.

Нина задумчиво повертела ложку.

— Может, ты пока ищешь объяснение, которое сделает случившееся менее обидным?

Я хотела возразить, но не нашла слов.

Она не стала продолжать.

Мы допили чай, убрали посуду и разошлись по комнатам.

Нина дала мне запасной комплект постельного белья и предложила в понедельник ехать на работу вместе.

Я согласилась.

Оставшись одна, достала из чемодана синий блокнот.

Я взяла его из дома почти в последний момент: перед уходом заметила на комоде и положила в боковой карман чемодана. Не знала зачем.

В комнате Нины я устроилась на кровати, включила маленькую лампу и снова открыла первую страницу.

«Наш дом после службы».

Несколько минут смотрела на знакомый почерк.

Потом достала карандаш.

Хотела зачеркнуть заголовок, но остановилась.

Я не могла изменить то, что этот дом когда-то был нашей общей мечтой.

И не хотела делать вид, что двадцать восемь лет брака ничего не значили.

Закрыла блокнот и убрала его в тумбочку.

Телефон завибрировал.

Я подумала, что это Глеб.

Но на экране высветилось имя Даши.

«Мам, привет. Я сегодня папе звонила, он какой-то странный. Сказал, что вы заняты и с рестораном пока подождем. У вас все нормально?»

Я перечитала сообщение.

Потом еще раз.

Глеб уже разговаривал с дочерью, но что именно сказал, я не знала.

Мне хотелось немедленно набрать его номер и спросить, почему он опять решил все без меня. Но я остановилась.

Дарья была взрослой. Она имела право знать правду о собственной семье.

И я не собиралась превращать ее в человека, которому придется выбирать, кому из родителей верить.

Я написала:

«Дашенька, у нас с папой серьезные проблемы. Я сейчас живу у тети Нины. Не хочу объяснять все сообщениями. Давай завтра встретимся и поговорим».

Ответ пришел через минуту.

«Вы разводитесь?»

Я долго держала телефон в руках.

За стеной Нина выключила телевизор. Где-то во дворе хлопнула автомобильная дверь. Потом стало тихо.

Я набрала:

«Да, солнышко. Мы с папой решили расстаться. Остальное расскажу тебе при встрече».

Несколько секунд сообщение оставалось непрочитанным. Затем появились три точки, исчезли, появились снова.

Наконец Дарья ответила:

«Мам, я приеду завтра. Пожалуйста, только не говори, что у вас все хорошо, если это неправда».

Я положила телефон рядом с подушкой.

Вот теперь мне захотелось заплакать.

Не из-за денег, не из-за Киры и даже не из-за дома у моря.

Из-за того, что человек, которого мы с Глебом вместе растили, уже почувствовал: родители скрывают от нее что-то страшное.

Я легла, выключила свет и долго смотрела в темноту.

Завтра мне предстоял разговор с дочерью.

И впервые за всю ее жизнь я не знала, как объяснить случившееся так, чтобы хоть немного защитить ее от боли.

Глава 3. Стол на троих

В субботу утром я проснулась от запаха подгоревшего хлеба и сердитого голоса Нины.

— Да чтоб тебя! Второй кусок!

Я открыла глаза.

За окном гостевой комнаты светило солнце. На письменном столе лежала моя сумка, возле шкафа стоял неразобранный чемодан. Несколько секунд я пыталась сообразить, почему нахожусь не дома, а потом заметила на тумбочке телефон.

Вчера вечером я написала дочери, что мы с ее отцом разводимся.

С тех пор новых сообщений не было.

Я взяла телефон и посмотрела на часы. Половина девятого. Обычно по субботам мы с Глебом завтракали около десяти. Он просыпался рано даже в выходные, читал новости, иногда занимался на велотренажере, а потом ждал, пока я приготовлю что-нибудь посущественнее обычных бутербродов.

Мне нравились эти завтраки. Глеб редко спешил, мы могли спокойно поговорить, обсудить покупки, планы на следующую неделю.

Я вспомнила, что сегодня не придется готовить ему яичницу, и от этой незначительной мысли неожиданно стало грустно.

На экране телефона появилось сообщение от Дарьи.

«Мам, буду около одиннадцати. Куплю что-нибудь к чаю».

Я ответила, что ничего покупать не нужно, и пошла умываться.

В ванной Нины пахло лавандовым мылом. На полочке возле зеркала стояли баночки с кремами, расческа и небольшой флакон духов. Все было чужим, хотя я бывала здесь десятки раз.

Я открыла косметичку, достала зубную щетку и вдруг обнаружила, что забыла домашние тапочки. Обычно они лежали в боковом отделении чемодана. Но вчера собиралась так быстро, что несколько привычных вещей остались в квартире.

Пришлось надеть носки.

На кухне Нина пыталась соскрести с противня обгоревшую корочку.

— Доброе утро, — сказала я.

Она обернулась.

— Только не говори, что тоже хочешь тосты.

— Почему?

— Потому что хлеб закончился, а остатки я превратила в уголь.

На тарелке лежали четыре вполне приличных, хотя и темноватых куска.

— По-моему, нормально.

— Значит, ты еще не пробовала.

Я села за стол.

Нина поставила передо мной чашку кофе и достала из холодильника сыр.

— Как спала?

— Не очень.

— Понятно.

Она не стала расспрашивать. За завтраком мы обсудили погоду, потом Нина рассказала, что соседка сверху снова затопила ей ванную. История была совершенно обыкновенная, с сантехником, испорченным потолком и долгими объяснениями в управляющей компании. Я слушала с неожиданным удовольствием.

После последних двух дней разговор о чужом протекающем кране казался почти отдыхом.

— Даша когда приедет? — спросила Нина.

— К одиннадцати.

— Тогда я схожу в магазин. Мне все равно нужно за продуктами.

— Необязательно уходить. Она тебя знает.

— Знает. Но разговаривать с матерью при посторонних ей будет неудобно.

— Ты не посторонняя.

Нина махнула рукой.

— Не придирайся к словам. И вообще, я давно собиралась купить нормальную сковородку.

Она допила кофе и посмотрела на меня.

— Марин, только не начинай перед дочерью изображать, что ничего страшного не произошло.

Я подняла голову.

— Я и не собираюсь.

— Собираешься. Ты уже вчера трижды сказала мне, что Глеб, в сущности, неплохой человек.

— Он ее отец.

— Именно. Поэтому пусть сама разбирается, как теперь к нему относиться. Тебе не обязательно защищать его от последствий собственных поступков.

Я промолчала.

Нина поднялась, отнесла чашку к раковине и добавила:

— И не надо брать на себя ответственность за Дашины чувства. Она взрослая. Имеет право злиться, плакать, задавать неприятные вопросы.

— Я понимаю.

— Вот и хорошо.

После завтрака я вернулась в комнату и начала собираться.

Долго выбирала одежду, хотя никто не собирался оценивать мой внешний вид. В конце концов надела темные брюки и светлую блузку. Волосы собрала сзади, немного подкрасила ресницы.

В зеркале отражалась женщина, которая выглядела уставшей, но вполне обычно.

Я подумала, что Дарья наверняка сразу заметит разницу.

Дочь умела замечать такие вещи с детства. В шесть лет однажды спросила, почему я улыбаюсь гостям, если перед их приходом плакала. Тогда мы с Глебом поссорились из-за очередного переезда, и я не успела успокоиться.

Я ответила ей, что взрослые иногда грустят.

Даша долго обдумывала услышанное, а потом принесла мне свою любимую мягкую игрушку.

Мне не хотелось снова видеть, как она пытается меня утешить.

Телефон зазвонил без четверти одиннадцать.

Я решила, что это дочь, но на экране появилось имя Глеба.

Несколько секунд я смотрела на телефон, прежде чем ответить.

— Да?

— Доброе утро, Марин. Ты где?

— У Нины. Я вчера говорила.

— Я помню. Хотел спросить, когда ты собираешься вернуться.

— Пока не знаю.

— Нам нужно поговорить с Дашей.

Я подошла к окну.

Во дворе Нининого дома дворник собирал прошлогоднюю листву. Рядом с детской площадкой молодая женщина пыталась пристегнуть маленького мальчика к велосипедному сиденью.

— Она сегодня приедет ко мне, — сказала я.

— Ты уже договорилась?

— Да.

Глеб помолчал.

— Марина, я вчера просил не торопиться с объяснениями.

— А я вчера сказала тебе, что не собираюсь скрывать от дочери наш развод.

— Но мы могли бы поговорить с ней вместе.

Я нахмурилась.

— Что мешало тебе предложить это раньше?

— Я рассчитывал, что мы сначала определимся между собой.

— Ты уже определился, Глеб.

Он вздохнул.

— Ты опять начинаешь.

Я почувствовала знакомое раздражение, но заставила себя говорить спокойно.

— Даша приедет через несколько минут. Я не собираюсь сейчас спорить.

— Что ты ей скажешь?

— Правду.

— Какую именно?

Я закрыла глаза.

— Что у тебя два года отношения с другой женщиной. Что мы разводимся. Что я пока живу отдельно.

— Обязательно упоминать Киру?

— А ты предлагаешь сказать, что мы просто устали друг от друга?

— Я предлагаю учитывать чувства дочери.

— Я их учитываю.

— Тогда не нужно рассказывать ей все подробности нашей личной жизни.

Я посмотрела на часы.

— Глеб, я не собираюсь обсуждать с ней подробности твоих встреч с Кирой. Но она имеет право знать, почему распалась семья.

— Семья не распалась за один день.

— С этим я согласна.

Он замолчал.

Потом спросил:

— Ты можешь хотя бы не говорить ей про деньги? Это вообще не ее дело.

— И не собиралась. Если, конечно, ты сам не начнешь рассказывать, какой справедливый раздел имущества предложил.

— Марина...

— Мне пора. Даша скоро будет.

Я закончила разговор прежде, чем он успел возразить.

После этого несколько минут стояла возле окна, пытаясь успокоиться. Меня утомляли не столько сами звонки Глеба, сколько необходимость каждый раз объяснять очевидные вещи. Я не обязана была изображать благополучную семью ради его спокойной отставки. Не обязана принимать предложенные финансовые условия. И уж точно не должна была спрашивать разрешения, чтобы поговорить с собственной дочерью.

Но всякий раз, когда он начинал недовольно возражать, я чувствовала себя так, будто действительно делаю что-то неправильное.

От этой привычки оказалось трудно избавиться.

***

Дарья приехала без пяти одиннадцать.

Я услышала звонок в дверь, вышла в прихожую и успела заметить, как Нина ставит на обувную полку ключи.

— Ну вот, — сказала она, открывая дверь. — Дочурка прибыла. А я побежала за сковородкой.

Дарья стояла на площадке с бумажным пакетом в руках.

На ней были джинсы, короткая светлая куртка и белые кроссовки. Волосы собраны в высокий хвост, возле уха выбилась тонкая прядь.

Она посмотрела на меня и сразу перестала улыбаться.

— Мам.

Я подошла ближе.

Даша обняла меня так крепко, что пакет с выпечкой зашуршал между нами. Несколько секунд мы молчали, потом дочь отстранилась и заглянула мне в лицо.

— Ты плакала?

— Немного.

— Мама...

— Проходи, солнышко. Не будем разговаривать в коридоре.

Нина взяла сумку, сказала, что вернется через пару часов, и ушла.

Дарья сняла куртку, аккуратно повесила ее на крючок и прошла за мной на кухню.

Она часто бывала здесь с детства. Знала, где лежат чашки, в каком шкафу Нина хранит сахар и почему у нее никогда не бывает нормальных чайных ложек: подруга постоянно теряла их или оставляла на работе.

Даша поставила пакет на стол.

— Купила булочки. С корицей и с творогом. Ты же с творогом любишь.

— Спасибо.

— Мам, давай только не будем сейчас пить чай и делать вид, что я приехала просто в гости.

Я отложила чайник.

— Хорошо.

Мы сели друг напротив друга.

Даша положила руки на стол и некоторое время смотрела на меня.

— Что произошло?

Пока одевалась, я репетировала объяснения, представляла возможные вопросы. Теперь все подготовленные фразы показались неуместными.

— У папы другая женщина, — сказала я. — Они встречаются почти два года. Он собирается жить с ней после отставки.

Даша медленно опустила глаза.

Я видела, как она пытается осмыслить услышанное.

— Два года? — наконец спросила она.

— Да.

— Ты уверена?

— Он сам признался.

Дочь провела ладонью по столешнице.

— И ты узнала только сейчас?

— Позавчера.

— Господи.

Она откинулась на спинку стула, потом снова наклонилась вперед.

— А кто она?

— Кира Орехова. Ей тридцать восемь. У нее какое-то интерьерное бюро.

— Ты ее знаешь?

— Нет.

— А папа давно?

Я посмотрела на нее.

— Даш, я не знаю, сколько они были знакомы до начала отношений. Знаю только то, что он рассказал.

Дочь несколько секунд молчала, затем спросила:

— И он хочет развестись?

— Да.

— Сам?

Я кивнула.

Даша поднялась и подошла к окну.

За стеклом виднелась парковка, несколько деревьев с едва распустившимися листьями и женщина, выгуливавшая маленькую собаку.

Дочь стояла спиной ко мне.

— Я вчера ему позвонила после твоего сообщения, — сказала она.

Я почувствовала, как напряглись плечи.

— И что он сказал?

— Что вы давно отдалились друг от друга. Что вам обоим тяжело, но вы стараетесь все решить спокойно. Он сказал, чтобы я не делала поспешных выводов и не принимала ничью сторону.

Я опустила взгляд на свои руки.

Глеб уже начал объяснять дочери развод как обоюдное решение.

— Я действительно не хочу, чтобы ты принимала чью-то сторону, — ответила я.

Дарья резко обернулась.

— Мам, это не одно и то же.

— Что?

— Не принимать сторону и делать вид, будто вы оба одинаково виноваты.

Я не нашлась с ответом.

Дочь вернулась к столу.

— Папа два года встречался с другой женщиной. А ты собиралась с ним переезжать к морю. Как можно говорить, что вы просто отдалились?

Я посмотрела на нее.

— Наверное, ему так проще объяснять.

— А тебе?

— Мне пока вообще трудно что-либо объяснять.

Дарья села рядом и взяла меня за руку.

Я почувствовала, какие у нее холодные пальцы.

— Мам, ты его еще любишь?

Вопрос оказался неожиданным.

Я посмотрела на дочь.

За последние два дня никто не спрашивал меня об этом прямо. Нина говорила о любви, но не требовала ответа. Алла интересовалась имуществом. Глеб был занят собственными решениями.

А Дарья смотрела на меня и ждала.

— Не знаю, — призналась я. — Наверное, нельзя перестать любить человека сразу после того, как узнаешь правду.

Дочь крепче сжала мою руку.

— Он же всегда говорил, что вы вместе навсегда.

Я вспомнила, как однажды Глеб произнес почти те же слова на нашем двадцатилетии. Тогда мы отмечали праздник дома, с несколькими друзьями. Он поднял бокал и сказал, что все самое сложное у нас уже позади.

Мы даже посмеялись.

— Говорил, — ответила я.

Дарья отвернулась.

На ее ресницах блестели слезы.

— Не понимаю, — произнесла она. — Он ведь не мальчишка. Ему почти шестьдесят. Зачем было два года врать?

— Я тоже не понимаю.

— Может, он просто испугался тебе сказать?

Я посмотрела на нее.

Она не оправдывала отца — пыталась разобраться.

— Возможно, — сказала я. — Только он успел за это время сделать довольно много.

Даша вытерла щеку ладонью.

— Что именно?

Я помолчала.

Мне не хотелось превращать разговор в отчет обо всех поступках Глеба.

Но умолчать о доме у моря означало оставить за кадром самую болезненную часть случившегося.

— Он собирается покупать с Кирой дом, — ответила я.

Даша нахмурилась.

— Какой дом?

— У моря.

Она смотрела на меня несколько секунд.

— Тот, который вы выбирали?

— Не совсем. Другой. Но в том же районе.

— Подожди. Вы же собирались покупать дом вместе.

— Да.

— А теперь он покупает его с ней?

Я кивнула.

Дочь встала так резко, что стул скрипнул по полу.

— Я сейчас ему позвоню.

Она достала телефон.

— Даш, подожди.

— Что подожди? Мам, это вообще нормально?

— Нет. Но не надо звонить ему из-за меня.

— Я не из-за тебя!

Она остановилась, посмотрела на экран, положила телефон обратно на стол и закрыла лицо руками.

Я подошла к ней, обняла за плечи.

Даша не отстранилась.

— Он мне в марте рассказывал, что вы присматриваете участок, — глухо произнесла она. — Помнишь, мы ходили в ресторан? Ты тогда еще показывала фотографии террасы.

— Помню.

— А он сидел рядом и обсуждал, сколько будет стоить сделать навес. Я даже спросила, приеду ли летом помогать с ремонтом. Он сказал, что обязательно.

Я погладила ее по волосам.

— Дашенька...

— Мам, он же знал.

Я ничего не ответила. Именно это было страшнее всего: Глеб знал и продолжал разговаривать с нами о будущем, которого не собирался разделять.

***

Когда первые слезы прошли, Дарья попросила кофе.

Я встала, включила чайник и достала из пакета булочки.

Дочь наблюдала, как я раскладываю их на тарелке.

— Ты все равно пытаешься меня накормить, — сказала она.

— А что мне еще делать?

— Не знаю.

Она невесело улыбнулась.

— Наверное, я просто привыкла, что ты всегда знаешь, что делать.

Я поставила перед ней чашку.

— Боюсь, сейчас придется разочароваться.

— Не говори так.

Дарья взяла булочку, отломила небольшой кусочек, но есть не стала.

— А где ты будешь жить?

— Пока здесь. Нина разрешила остаться на несколько дней.

— Потом?

— Думаю поехать в бабушкин дом.

Дочь удивилась.

— В поселок?

— Да.

— Мам, там же холодно. И крыша протекает.

— Я пока не собираюсь переезжать немедленно. Сначала посмотрю, что нужно сделать.

Она задумалась.

— Ты можешь пожить у меня.

— Спасибо, солнышко, но у тебя однокомнатная квартира.

— Ничего страшного. Купим раскладушку.

Я улыбнулась.

— Ты уже представляешь, как мы будем делить кухню?

— Очень весело. Ты будешь ругать меня за грязную посуду, а я тебя за то, что ставишь чашки не на ту полку.

Мы обе рассмеялись.

Смех получился неловким, но настоящим.

Даша наконец откусила булочку.

— Мам, а что с деньгами? Ты ведь собиралась увольняться.

— Пока не собираюсь. На работе все нормально. Более того, мне предлагают повышение.

— Правда?

Я кивнула.

— Пока еще не решила.

— А почему?

— Потому что собиралась уезжать.

Дарья посмотрела на меня с удивлением.

— Но ты же теперь не уезжаешь.

— Вот именно.

Она наклонила голову.

— Так соглашайся.

— Все не так просто. Там большая ответственность, новые люди, сложный объект.

— Мам, ты же сама постоянно рассказываешь, что исправляешь чужие расчеты и объясняешь подрядчикам, где они ошиблись.

— Это не значит, что я хочу руководить группой.

— А ты не хочешь?

Я задумалась.

Раньше я бы ответила, что сейчас не время. Глеб готовится к отставке, у нас переезд, нужно заниматься домом.

Теперь все эти причины перестали существовать.

Оставался вопрос, который я давно не задавала себе всерьез.

— Наверное, хочу, — сказала я. — Просто привыкла думать, что скоро уйду.

Дарья внимательно посмотрела на меня.

— Мам, можно я кое-что скажу?

— Конечно.

— Ты очень много лет все планировала с учетом папиной работы. Я знаю, что ты сама так решила. Но иногда мне казалось, что ты вообще не представляешь, как можно поступить иначе.

Я откинулась на спинку стула.

— Тебе казалось, что я жила только ради отца?

— Нет. Я знаю, что ты любишь свою работу. И меня. И бабушку любила. У тебя были подруги, интересы. Просто...

Она замолчала, подбирая слова.

— Просто когда папе что-то было нужно, все остальное сразу становилось менее важным.

Я хотела возразить: напомнить о его службе, постоянных переездах, долгих командировках, объяснить, сколько всего приходилось учитывать и почему иногда действительно было удобнее подстроиться под мужа.

Но дочь продолжила:

— Помнишь, ты хотела поехать в Петербург на какую-то профессиональную конференцию?

Я нахмурилась.

— Когда?

— Я еще в школе училась. Кажется, в десятом классе.

Я вспомнила.

Руководство бюро предлагало оплатить поездку на отраслевой семинар. Я собиралась поехать вместе с Ниной, даже присмотрела гостиницу. Потом у Глеба внезапно появилась служебная поездка, и я решила остаться с Дарьей.

— Ты тогда отказалась, — сказала дочь. — А мне было шестнадцать. Я спокойно могла пожить неделю у тети Нины или бабушки.

Тогда мне казалось, что я поступаю разумно: муж занят, дочь готовится к экзаменам, дома хватает дел. Конференция не была обязательной. Но я даже не пыталась найти другой вариант.

— Ты права, — признала я. — Наверное, могла поехать.

Дарья вздохнула.

— Я не хочу тебя обвинять.

— Я понимаю.

— Просто теперь, когда папа так поступил, мне хочется, чтобы ты перестала откладывать все свое на потом.

Я взяла чашку.

Кофе успел остыть.

— Мне самой этого хочется, — сказала я.

Дочь улыбнулась, но быстро посерьезнела.

— Только, мам, мне нужно тебе кое в чем признаться.

Я насторожилась.

— В чем?

Она покрутила в пальцах салфетку.

— Я хочу поговорить с папой. И, наверное, буду продолжать с ним общаться.

Я посмотрела на нее.

Почему-то именно этот вопрос оказался болезненнее, чем я ожидала.

Разумом я прекрасно понимала, что Глеб остается ее отцом. Дарья любила его с детства. Он учил ее кататься на велосипеде, помогал выбирать университет, приезжал на выпускной, хотя тогда у него было много работы.

Она не обязана была перечеркнуть все эти отношения из-за его измены.

Но какая-то обиженная часть меня хотела, чтобы дочь немедленно отвернулась от него.

Мне стало стыдно за это желание.

— Конечно, Даша, — ответила я.

— Ты не обидишься?

Я отвела взгляд.

— Возможно, иногда мне будет неприятно. Особенно сначала. Не хочу обещать, что всегда буду спокойно реагировать. Но это ваши отношения. Ты имеешь право любить отца.

Дочь выдохнула.

— Спасибо.

— Не за что благодарить.

— Есть за что.

Я протянула руку и убрала выбившуюся прядь с ее лица.

— Только я прошу тебя об одном. Не позволяй папе делать тебя посредником между нами.

Дарья кивнула.

— Я уже поняла, что он пытается.

— Что он сказал?

Она помолчала.

— Вчера попросил убедить тебя не торопиться с разводом. Сказал, что ты слишком расстроена, чтобы сейчас принимать решения.

Я почувствовала, как снова становится трудно сохранять спокойствие.

— Вот как.

— Я сказала, что не буду.

— Спасибо.

— И, мам...

Даша посмотрела мне прямо в глаза.

— Я не хочу быть посредником и с твоей стороны. Не проси меня узнавать, что у него происходит, не спрашивай, виделась ли я с Кирой. Я не хочу переносить сообщения от одного родителя другому.

Я невольно выпрямилась.

Ее слова были справедливыми, и все же в первую секунду мне стало обидно. Неужели она думала, что я стану использовать ее таким образом? Потом я вспомнила собственное желание спросить, знает ли дочь что-нибудь о Кире, и поняла: соблазн действительно существовал.

— Хорошо, — сказала я. — Обещаю.

Дарья с облегчением улыбнулась.

— Тогда я хочу увидеть вас обоих. Вместе.

Я удивилась.

— Зачем?

— Потому что сейчас у меня две разные истории. Папа говорит, что вы давно не были счастливы. Ты говоришь, что он два года изменял. Я понимаю, что одно не исключает другого, но хочу хотя бы раз услышать, как вы разговариваете друг с другом.

Я задумалась.

Встреча с Глебом при дочери казалась неприятной, но и отказывать ей без серьезной причины не хотелось.

— Ты хочешь приехать к нам в квартиру?

— Да. Ненадолго. Не устраивать семейный совет на весь день. Просто поговорить.

Я посмотрела на часы: около половины первого.

— Давай я сначала позвоню папе.

Дарья кивнула.

Я взяла телефон.

***

Глеб согласился почти сразу.

Он даже обрадовался, услышав, что Дарья хочет встретиться с нами вместе.

— Это разумно, — сказал он. — Лучше один раз спокойно поговорить, чем пересказывать друг другу чужие слова.

Я не стала спорить.

Мы договорились приехать к трем.

До встречи оставалось чуть больше двух часов. Дарья предложила сходить на прогулку, но я чувствовала себя слишком уставшей. Вместо этого мы помогли вернувшейся из магазина Нине разобрать продукты, пообедали и немного посидели в гостиной.

Подруга почти не вмешивалась в разговор.

Когда Дарья ушла переодеться, Нина тихо спросила:

— Ты уверена, что хочешь ехать?

— Это Дашина просьба.

— Я понимаю. Но ты не обязана соглашаться на все, только потому что дочь переживает.

— Мне кажется, она имеет право услышать нас обоих.

Нина кивнула.

— Тогда только не позволяй Глебу превратить встречу в совещание, где он председательствует, а вы должны одобрить решение.

Я вздохнула.

— Постараюсь.

К трем часам мы подъехали к нашему дому.

Дарья припарковала машину рядом с моей. Мы вышли одновременно и на несколько секунд задержались возле подъезда.

Я вдруг вспомнила, как много раз встречала дочь на этом месте.

Когда она училась в университете, приезжала с тяжелыми сумками и вечными жалобами на общественный транспорт. После переезда в отдельную квартиру обычно звонила снизу, чтобы я спустилась помочь забрать продукты или подарки.

Сегодня она стояла рядом со мной, взрослая, серьезная, с напряженным лицом.

— Готова? — спросила я.

Даша кивнула.

— Наверное.

Мы поднялись на лифте.

Дверь открыл Глеб.

Он был в темных брюках и светлой рубашке без галстука. Выглядел собранным, немного усталым, но совершенно спокойным.

— Привет, Дашенька.

Он потянулся обнять дочь.

Дарья позволила себя обнять, но почти сразу отстранилась.

— Привет, пап.

Глеб посмотрел на меня.

— Марина.

Я кивнула.

Он отошел, пропуская нас в квартиру.

В прихожей все оставалось привычным: моя куртка возле зеркала, домашние туфли, которые я не взяла с собой. На тумбочке лежали ключи от дачного сарая, старый чек из аптеки и рекламная листовка.

Меня неожиданно поразило, что Глеб ничего не переставил. За два дня дом не изменился, только мне теперь было трудно представить, что я когда-нибудь снова стану здесь жить.

Мы прошли на кухню.

Глеб заранее приготовил чайник, поставил три чашки и тарелку с печеньем.

Я остановилась возле стола.

Он достал наш старый семейный сервиз. Светлый фарфор с тонкой синей полоской. Мы пользовались им, когда приезжала Дарья или приходили гости.

Три чашки стояли треугольником: одна возле окна, другая у стены, третья напротив.

Раньше мы всегда садились именно так: Глеб во главе стола, я справа от него, дочь слева.

Я невольно направилась к своему привычному месту, но остановилась и села рядом с Дарьей. Глеб заметил, но ничего не сказал.

— Чай будете? — спросил он.

Даша покачала головой.

— Пап, давай сначала поговорим.

Он сел напротив.

— Хорошо. Я слушаю.

Дочь несколько секунд собиралась с мыслями, потом спросила:

— Ты правда встречаешься с другой женщиной почти два года?

Глеб посмотрел на меня.

Я почувствовала, как напряглись плечи.

— Даша, я надеялся, что мы сможем обсудить это без подробностей, — сказал он.

— Я спросила не о подробностях.

Он перевел взгляд на дочь.

— Да. У меня есть отношения.

— Два года?

— Приблизительно.

— А мама знала?

— Нет.

Дарья медленно кивнула.

— Хорошо. Тогда следующий вопрос. Ты собирался развестись с ней после отставки?

Глеб вздохнул.

— Мы с мамой давно переживаем непростой период. Я не хотел делать поспешных шагов, пока не закончу службу.

— Значит, да?

— Да.

Дочь посмотрела на меня.

Я молчала.

— Пап, почему ты не сказал раньше?

Глеб сложил руки на столе.

— Потому что не все семейные вопросы решаются за один день. Иногда людям требуется время, чтобы разобраться в чувствах.

— Два года?

— Даша, я понимаю, что тебе неприятно.

— Мне не неприятно. Мне очень больно.

Глеб на мгновение растерялся.

Потом потянулся к ее руке, но Дарья убрала ладони под стол.

— Ты же сам рассказывал, что вы с мамой собираетесь переезжать к морю, — продолжила она. — Еще в марте. Мы сидели в ресторане, и ты обсуждал с ней дома. Зачем?

— Потому что мы действительно рассматривали разные варианты.

— Но ты уже встречался с другой женщиной.

— Это не отменяло необходимости решить жилищные вопросы.

Дарья нахмурилась.

— Какие жилищные вопросы? Ты собирался жить с мамой или с ней?

Глеб посмотрел на меня так, будто я должна была вмешаться. Я отвела взгляд: ответить дочери он должен был сам.

— С Кирой, — наконец сказал муж.

Дарья медленно выдохнула.

— И ты все равно продолжал обсуждать с мамой переезд?

— Даша, я не хотел причинять ей боль раньше времени.

Дочь несколько секунд смотрела на отца.

— Пап, ты понимаешь, как это звучит?

Он потер переносицу.

— Я понимаю, что вы обе сейчас расстроены. Но мне бы хотелось, чтобы вы услышали и меня.

Я почувствовала знакомое раздражение.

Глеб говорил так, будто мы с дочерью уже вынесли ему приговор и теперь отказывались рассматривать смягчающие обстоятельства.

— Мы слушаем, — сказала я.

Он повернулся ко мне.

— Марина, я не прошу тебя соглашаться с моим решением. Но давай хотя бы не будем превращать этот разговор в обвинительное заседание.

— Ты можешь объяснить Даше все, что считаешь нужным.

Глеб снова посмотрел на дочь.

— Я люблю тебя. Это никогда не изменится. И маму я всегда буду уважать. Мы прожили вместе почти тридцать лет, у нас было много хорошего. Но люди меняются. Иногда отношения заканчиваются, и в этом нет чьей-то единоличной вины.

Дарья долго молчала, потом спросила:

— Ты хочешь сказать, что мама виновата в твоей измене?

Глеб резко выпрямился.

— Нет. Я такого не говорил.

— Тогда о чем ты?

— О том, что наши отношения давно перестали быть такими, как раньше. И я не хочу, чтобы ты считала меня человеком, который просто однажды решил все разрушить.

Дочь опустила глаза.

Я видела, что она старается сохранять спокойствие.

— Пап, я не знаю, какими были ваши отношения, когда меня не было рядом. И, наверное, не должна знать. Но если ты хотел развода, почему не развелся до того, как начал встречаться с другой женщиной?

Глеб ответил не сразу.

— Потому что все не так просто.

— Понятно.

Дарья отодвинула чашку.

— Мне двадцать шесть лет. Я прекрасно понимаю, что взрослые люди могут перестать любить друг друга. Но не понимаю, зачем два года обманывать человека, с которым прожил большую часть жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.